

Ркарл:
21 harfehr
2009 uru
Выходит с
21 декабря
2009 года

А. БРАЕВ-РАЗНЕВСКИЙ: ГРОБНИЦА ИСКУССТВЕННЫХ
ЯЗЫКОВ В. МАЛЬЧЕВСКИЙ: МИШЕНЬ И. ВАСИЛЬЕВ:
ЛЕГЕНДА О СТОУНХЕНДЖЕ Д. БОБЫЛЕВ: НЕ
ВЫКЛЮЧАЙ СВЕТ И. ЯСИНСКИЙ: МОЙ ПУТЬ
А. МАМАЕНКО: ДЕРЕВЯННЫЕ МАЛЬЧИКИ НЕ УМЕЮТ
ПЛАКАТЬ... И. КРОТОВ: СУМЕРКИ В КРАСНОМ ЛЕСУ
А. МАРТУСЕНКО: ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ИВАНА
КОСТЁРКИНА М. МАРТЫНОВА: НА БЕРЕГУ П. ЖУКОВА:
ДИАЛОГИ А. НАСОНОВ, А. ГУСЕВ: СТИХИ
А. ПЕРЕДЕРЕЕВ: ЩУПАЛЬЦА ВЕЧНОГО ЛЕТА КОСМОС
КОРОРЛЕВСКИЙ: КРУГЛАЯ КНИГА И. ЛЮБЧЕНКО,
И. КАРАСЁВ: ПЕРЕВОДЫ

asa#20знание

ALOEJASSA | ЖУРНАЛ СКОРОМЫСЛИЯ НА ЯЗЫКЕ АРАХАУ

Ирина Мартусенко

Arahaugespla - 10uru

Языку Арахау исполнилось 10 лет

asa#15знание

Kereibr (Автор идеи)

Ihoro Ahanero (Иван Карасев)

Kvavafabr (Главный редактор)

Ihoro Ahanero (Иван Карасев)

Kūzau (Верстка)

Ihoro Ahanero (Иван Карасев)

Kvarfaz (Литературный редактор)

Aha Ahanero (Анна Мамаенко)

Assagese (Творческий совет)

Ihoro Ahinero (Игорь Васильев)

Oharo Ehinero (Ольга Веснина)

Ahaniharo Ohonyhenaro (Наталья Лободырева)

Ahero Uhanero (Павел Уваров)

Редакция контролирует соблюдение авторских прав.
 Перепечатка материалов только с официального разрешения редакции.
 E-mail: rbardalzo@yandex.ru
 Электронная версия журнала: www.araha.ucoz.ru
 Журнал издается на пожертвования Сообщества Араху.
 Печать цифровая.
 Тираж ограниченный
 г. Краснодар, декабрь, 2016, #20

На обложке: Цветная линогравюра Ирины Мартусенко «Шаман»

Содержание номера

От редакции

Слово за Араху, В. Чумаченко 3

Тема номера

Опыт социализации искусственного априорного языка, И. Карасев 4

Конлангерство

Из прошлого – в будущее, А. Браев-Разневский 8

Гробница искусственных языков, А. Браев-Разневский 10

Проза

Мишень, В. Мальчевский 12

Легенда о Стоунхендже, И. Васильев 17

Не выключай свет, Д. Бобылев 19

Зеленый шум, И. Ясинский 20

Мой путь, И. Ясинский 23

Деревянные мальчики не умеют плакать, не так ли?.. А. Мамаенко 25

Сумерки в Красном лесу, И. Кротов 27

Нищий у ворот, И. Кротов 31

Правдивая история Ивана Костёркина, А. Мартусенко 32

На берегу (Зарисовка), М. Мартынова 33

Диалоги (Миниатюры), П. Жукова 34

Манифесты

Нанофутуризм, И. Васильев 35

Поэзия

А. Насонов 36

А. Гусев 37

Память

Щупальца вечного лета, А. Передереев (Арекуши – сан Эхенеро) 38

Переводы

Круглая Книга (Izagalark), Космос Королевский 41

Перевод с русского на Араху И. Карасев 41

Гимн Украины (GarasgUkraina), перевод с украинского на Араху И. Любченко 42

Стихи М. Вороний (1871–1938), перевел с украинского на русский И. Карасев 43

От редакции

Друзья! На этот год приходится сразу две знаменательные для нашего Сообщества даты. Исполняется 10 лет с того момента, когда в сети появились первые сведения о языке Араху, и выходит 20-й номер нашего журнала.

Редакция посчитала целесообразным выпускать «Асу» только в электронном виде, издаваться журнал будет реже – 1-2 раза в год, зато радикально увеличится объем номеров, появятся новые разделы.

Слово за Араху

ВИКТОР ЧУМАЧЕНКО, г. Краснодар

заслуженный работник культуры Кубани и Украины, профессор

Бывают эпохи, когда литература, привыкшая держаться на гребне событий и даже предопределять их, вдруг оказывается «не при делах». Восплакнув о неблагоприятном человечестве, она потихоньку приходит в себя и начинает заниматься собственным хозяйством. Вдруг появляется желание изменить привычки и повадки, просыпается интерес к экспериментированию со своей «внешностью». Прихотливо перемешиваются жанры, стилиевой разнорядностью становится нормой, все законы поэтики вдруг разом перестают действовать. Ирония, гротеск, пародия выходят на первый план. Короче, наступает период «ломки» и выстраивания на развалинах отслуживших и обветшавших форм чего-то нового. В такие времена появление журналов, ориентированных на креатив, типа краснодарской «Асы», жизненно необходимо. Не импотентному же какому-нибудь провинциальному «литературному обозрению», способному разве что восторженно пересказывать «зады» из речей московских околотитературных функционеров, провозглашать новые истины!

Так что живите, тусуйте и беснуйтесь! Может, из этого что-то путное и вытанцуется!

Тема номера

ИВАН КАРАСЕВ, г. Краснодар

Опыт социализации искусственного априорного языка

Попыток создать априорный искусственный язык таксономического типа было немало. Однако, на мой взгляд, новизна Араху – в использовании полисинтетизма и активного строя. Кроме того, этот лингвопроект претендует на один из вариантов воплощения теории сверхкомпактного языка, который позволяет в несколько раз сокращать передаваемый объем информации. Впервые эта концепция, известная как Speedtalk (Скорговор) была изложена фантастом Р. Хайнлайном в рассказе «Залив» в 1949 г. Высыказывались предложения использовать «языки возрастающей сложности» (Араху, иффуиль, ложбан) в технологиях т.н. новых быстрых нейронтерфейсов, а также при разработке эзотерических языков программирования.

Действительно, если существуют техники скоротения и скорописи, то почему бы не предложить методику «скороговорения»?

Араху – своего рода эксперимент по кодированию бытовых понятий в некоторой контекстно-зависимой грамматике без привязки к какому-либо естественному языку. При этом сокращение речевого потока в Араху достигается без непомерного усложнения грамматики и фонетики (например, в языке иффуиль, созданном под влиянием теории «Скороговора» в 2004 г. Дж. Кихадой, 96 падежей и 259 производных форм глагола). Таким образом, Араху вместе с идеей компактности и лингвистической нейтральности стремится добиться способности определенные нормы благозвучия и, на наш взгляд, вполне может подойти для международного общения.

Полагаю, интерес представляет многолетний опыт распространения и популяризации априорного конланга, устройство которого резко отличается от языка потенциальных носителей. Кстати, 26 августа 2016 г. Араху исполняется 10 лет с момента выхода в сети интернета первой грамматики.

Мысль придумать свой конланг пришла в 1996 году. Было интересно, как бы выглядел язык, сконструированный на принципах, «обратных» арабскому. В таком лингвопроекте основная смысловая нагрузка должна была лечь на гласные, а уточнение значений слова – на согласные. В этом случае значительно упрощается консонантизм (в алфавите остаются только b, c, d, f, g, h, j, k, l, m, n, p, r, s, t, v, z), но в то же время усложнялся вокализм. Система гласных (с дифтонгами и палатальными), которых более 30, была взята из финского языка.

На самом начальном этапе проекта корни брались из русского языка; согласные изымались, и между гласными на четных позициях вставлялась h, а на нечетных – n. Например, слово 'голова' преобразовывалось в *ohopa (здесь и далее звездочкой помечаются слова из первоначального варианта Араху). Дабы избежать многочисленных омонимов, к такому корню через -g- крепились цепочка детерминативов. Для этого каждому гласному или дифтонгу присваивалось значение класса: a – человек, o – имя, u – животное, au – красный и т.д. Класс «человек» уточнялся так называемыми «соматическими» согласными (*b – голова, *d – рука, *k – нога и т.д.). Получалось, что слово 'голова' в таком языке получило бы название *ohoparba. Из этого первоначального принципа происходит и наименование сконструированного языка – Араһау. Расшифровывается оно так: А – 'yAzyk' (из слова «язык» взята только первая гласная 'a'); во втором случае a – 'имеющее отношение к человеку'; au – класс вещей красного цвета.

Название конланга сохранилось, но принципы радикально изменились и до сегодняшнего дня не менялись. В этом языке две части речи, которые отличаются на фонологическом уровне, – имена (гласные с учетом дифтонгов) и активные глаголы (гласные с 's' в постпозиции): a – человек, as – думать (знать); u – животное (существо), us – существовать; e – небо, es – делать (созидать) и т.д.

Инактивные глаголы (в Араху они приравниваются к существительным) строятся по принципу «градации жизненной силы»: гласные вставляются в рамочные конструкции из сонорных согласных (ap – па – апа – апап – пап – 'стареть – двигаться – стоять – сидеть – спать'; am – ма – ама – амап – тама – 'молодеть – жить – лететь – ехать – бегать' и т.д.). Внутри этой рамки инкорпорируются разные гласные, обозначающие класс. За счет этого могут образовываться полисинтетические комплексы: amap – 'ехать' (о человеке), upum – 'ездовое животное' (лошадь), apum – 'ездок' (буквально: 'человек едет на животном').

К гласному класса «человек» (a) слева или справа могут присоединяться соматические (rd – правая рука, rk – нога, m – рот и т.д.) или лицевые показатели (dr – нос, kr – шея, nr – спина и т.д.). Изменение гласного в таких конструкциях меняет класс существительного и значение слова: rdä – крыло, rdi – ветвь, rdb – восток, rdu – правая лапа, gdao – горячий и т.д.

В Араху есть небольшое количество одноконсонантных прилагательных, которые отдельно без существительных не употребляются: ad – 'маленький человек' (сын, ребенок, мальчик), az – 'большой человек' (господин), um – 'молодой зверь', af – 'мертвец' и т.д.

За счет префиксов глаголы трансформируются в существительные с бинарными противопоставлениями (человек / не-человек; актив / инактив). В именах, относящихся к категории «человек», префикс k- ('тот, кто...') маркирует активное отглагольное существительное, p- ('тот, кого...'; 'тот, у кого...') – пассивное (инактивное): is – 'имеет'; kis – 'властелин' (букв. 'тот, что имеет'; 'имеющий'), pis – раб (букв. 'тот, кого имеют'; 'имеемый'). В именах, относящихся к категории «не-человек», префикс g- ('то, что...') обозначает неодушевленное отглагольное существительное: gis – 'имение'.

Ориентация в пространстве, а также центробежные и центростремительные версии глаголов, основанные на двичной оппозиции, передаются локативами: над~под (k~kl), k~от (v~vl), v~из (p~pl).

В Араху слова не склоняются по падежам. Позиция слова перед глаголом означает, что оно стоит в активном падеже, а если после глагола, то – в инактивном (косвенном).

Косвенный падеж может уточняться: посессивом -g- и транслативом -t-. Эти форманты, грубо говоря, означают 'принадлежит' и 'превратил / стал'. Пример: Adotaga – «Мальчик стал старостой», Adogaga – «Ребенок старосты». Транслатив может выполнять функцию инструменталиса: Uzuhamatüz – «Стая летела через море», Ajdarkiri – «Девочка шла лесом». Творительный падеж также может заменяться комитативом (-b-): Rüstnaplolt (Rüstnaplolt) – «Он говорил простым языком».

Порядок слов в Арахау прогрессивный (определяющее слово идет за определяемым), вербцентричный (SVO, глагол занимает центральное место между субъектом и объектом), контактный (все компоненты семантической группы, за исключением местоимений, находятся рядом), связанный (возможность свободной расстановки слов ограничена).

Между согласными на морфемных швах вставляется 'o', между гласными – 'h'. В отличие от существительных, глагол не может существовать обособленно в предложении. Напротив – его задача притянуть к себе как можно больше других (в том числе и модальных) формантов. Границами полисинтетического комплекса служат местоимения, которые образуют рамочную конструкцию. Местоимений в Арахау два – личное и постороннее (t и s). Третье лицо маркируется нулевым показателем: Toisizals – «Я тебе дал книгу», Oisizalt – «Он мне дал книгу». Самостоятельные местоименные формы используются только в коротких, безглагольных предложениях. Например, в диалоге: «Okus?» – «Та» (Кто здесь? – Я).

Множественное число образуется удвоением гласного: а – 'человек', аа – 'люди', аај – 'женщины'. Показатель рода есть только у имен класса «человек» (а) и «животное» (u). В других случаях он используется для понижения статусности класса: і – 'дерево', іј – 'трава'; е – 'небо', еј – 'воздух'; пгап – 'язык', пгајп – 'язычок'.

В сконструированном языке два времени глагола – реальное (настоящее) и неочевидное. Понятие времени здесь не линейное (прошлое – настоящее – будущее), а радиальное (сейчас – вероятно). Неочевидное время маркируется акутом, который ставится над глагольным гласным. Произносится он с перерывом голоса, как, например, в русском просторечии 'не-а' в значении 'нет'. Пример: Tesipō – «Я сажаю дерево»; Tēsipō – «Мне кажется, я посадил дерево». Способ действия уточняется аспектами: tes – я делаю, sees – он давно сделал, tjes – я намерен сделать и т.д. Есть еще модальные конструкции: toesse – я заставил сделать, – tausse я хочу сделать и т.д.

Глаголы могут включать до шести уточняющих формантов: jámsē – «снова намеревался вроде бы сделать (вежливо)», vjámšēy – «если бы снова намеревался бы это, наверно, сделать (с сарказмом)».

Сочетание времени, аспекта, модальности и вида может принимать еще более сложные формы: tareassau – «Хочу разрушить»; tarjueanssáu [таржуанссасу] – «Очень давно, кажется, я намеревался долго разрушить».

Сложно пришлось с разработкой числительных. Сначала была попытка использовать ребусы, например, 1 – eid (часть бесформенного), 2 – aga (братя), 3 – ók (гора)... Но самым продуктивным все же стал способ соотношения чисел с частями человеческого тела, как в папуасских языках: 1 arg (палец), 2 ha (двое), 3 harg (2+1), 4 haca (2+2), 5 arđ (рука)...

Определенной проблемой ранее являлось передача степеней сравнения, поскольку в Арахау нет самостоятельных прилагательных. В итоге их предложено передавать через аблатив vl и довольно редкий для Арахау глагол обладания is: S.is.aka.vl.ot – «Ты выше, чем я» (букв. «Ты имеешь высоту от меня»); T.is.gasa.vl.as – «Я умнее тебя»; T.lis.maró.vl.ugu – «Мы сильнее льва».

Кстати, есть языки, в которых отсутствуют степени сравнения (за исключением некоторых реликтовых образований). Среди них, кстати, хеттский и ненецкий языки.

Если у существительного может быть только единственное и множественное число, то лично-субъектные и лично-объектные показатели обладают и троичным, и четверичным числами. Более того, местоимения склоняются по родам – мужскому, женскому и комплексному (когда идет речь, например, о трех женщинах или двух мужчинах и двух животных). Например, сложное местоимение Таабујај [таабуйај] означает «Несколько мужчин вместе с мертвой самкой животного» и представляет собой своего рода небольшой рассказ, уместившийся в восемь букв.

В местоименные формы могут быть инкорпорированы не только одушевленные лица, но и неодушевленные предметы: tascj – 'человек и трава'. Вообще, структура Арахау позволяет продуцировать т.н. эпические местоимения, в фантастических ситуациях (например, в сказках), когда животные и стихии начинают говорить: ta – 'я человек', tu – 'я животное', tuf – 'я, высохшая река'.

Местоимения в Арахау формируют собственную местоименную фонетико-семантическую подсистему. Если обычно в Арахау всего 17 согласных, то в прономенах число consonantов увеличивается вдвое. Разрастание системы получается за счет шипящих и аффрикат, которые противопоставляются по мягкости и амфазе: ж – жь – жок – жож и т.д. Эти особые consonantы не являются самостоятельными, поскольку образовались за счет стяжения звуков: -taj [-ть], зааса – [ж] и т.д. Такое усложнение фонологической системы играет своеобразную роль – служит в качестве пограничных сигналов, указывающих на начало и конец глагольного слова-предложения.

На Арахау фразу «Я тебя люблю» можно передать множеством способов, в зависимости от того, кто к кому обращается: «Tazajajs» [тазасъ] – «Я (мужчина) люблю тебя (женщина)», «Tjazajs» [чазасъ] – «Я (женщина) люблю тебя (мужчина)». А вот обращение «Taihazajajs» [таихазайаюсъ] означала бы вымышленную ситуацию, когда мужчина, превращенный в камень, признается в симпатии к женщине-реке.

Еще один не совсем обычный прием – мерос – протородовая категория, различающая левую и правую стороны (arg – 'правая рука', arđ – 'левая рука'). Эта категория присутствует в Арахау как криптитип и грамматически не выделяется. Меротическая парадигма, очень важная для построения числительных, в настоящий момент выглядит не совсем полной: парные имена есть только для небольшого числа частей тела (рука, палец, нога). Таковы arg – 'правая рука' (также 'руководить', 'править', 'право') и arđ – 'левая рука', 'ложь', 'обманывать', 'писать'; ark – 'правая нога', 'идти', 'tza – в первоначальном варианте 'левая нога', 'влиять', 'плутать' (теперь означает 'туловище'); arg – 'правый палец', 'указывать', arh – 'левый палец', 'считать', 'читать'.

Другая специфика Арахау – использование квалитатива, за счет которого уточняется значение качества местоимений, глаголов и имен. Формант у – «категорию добра» (негативные оттенки и инвективы), ё – «категорию добра» (в том числе и респектив). Примеры: sē – 'ты, уважаемый' и sy – 'ты, ничтожество'; dy – 'элоние' (также междометие 'фу!') и drē – 'аромат'; ēs – 'радовать' и ys – 'злпть'. Респектив может маркировать уменьшительно-ласкательные оттенки вотива: adē – 'сыночек', Tapē – 'Танюша'.

Предложенная концепция конланга Арахау позволяет конструировать, в том числе и неологизмы: HJO – Algamablor (Al.gama.bl.or – «объект летающий неизвестный»), Интернет – Plozor (pl.ozo.g. «вся связь»), компьютер – asarg (букв. «знание счета»), звездолет – alfabor (al.fa.b.e.g – «предмет там, где человек близок небу»), самолет – gama (g.ama «летательное устройство»), gafradl – телевизор (букв. «дальновидение»).

***

Как только была написана краткая грамматика Арахау, она была размещена на созданном бесплатном сайте vbadzlo (кстати, это слово на Арахау означает «знак ладонью»). Было это в 2006 году. Затем ссылки и обсуждения проекта появились на форумах в интернете («Эсперанто-новости» и «Лингвофорум»). В целом, интерес к конлангу оказался неожиданно высоким, что послужило импульсом к продолжению эксперимента по продвижению Арахау. Интерес к проекту подпитывался еще и тем, что некоторые слова Арахау обнаруживали сходство с баскским и нахско-дагестанскими языками (это дало повод блогерам назвать Арахау «кавказским эсперанто»). Позже некие аналогии с Арахау посетители сайта пытались найти с вымышленным «черным наречьем» орков из трилогии Дж.Р. Толкина (имеется в виду феномен «морфологических встреч»). А в 2010 году члены Лавкрафтовского сообщества ru_lovecraft в Живом журнале единодушно пришли к выводу, что «Арахау заслуживает право на то, чтобы называться языком Ктулху».

С 2009 года на Арахау начал выходить литературный журнал на языке Арахау «Asa» («Знание»), который возглавил ныне покойный писатель-фантаст Алексей Передерев. Логика была такая: в России тысячи литературных журналов, а на искусственных языках – единицы. Сначала все страницы журнал были в цвете, в печать принимались очень короткие рассказы и небольшие стихотворения. Тексты давались на русском и Арахау. Надо заметить, люди искусства охотно начали сотрудничать с редакцией. Один из первых номеров проиллюстрировал художник, покоритель Эвереста С. Дудко, бард К. Бельчанский на презентации издания спел под гитару «Гимн РФ», специально переверенный на Арахау.

2011 году, на фестивале «Ont GRIND'ц» в Лабардживе (Литва) музыкант Глеб Мальцев, лидер панк-рок-группы Pichismo исполнил 10-минутную композицию на языке Арахау «Yr» (Зло) в стиле power electronix с вузузлой.

Г. Мальцев. Эта и еще одна композиция на языке Арахау вышли в 2015 г. на кассетном сплите Pichismo/Filthy Turd на Secretly Chuvashian (Russian cassette label).

Многим литераторам, кто печатался в журнале, было интересно, как сокращаются в размере и приобретают необычное звучание их произведения. Фонемозначимый характер Арахау также позволяет по-своему интерпретировать имена. Например, Ivan – «посох» (букв. «дерево ведет старика»), Olga – «безвестность человека», Efrēm – «утро».

На базе журнала «Asa» было создано Сообщество Арахау, у истоков которого стояли кандидат исторических наук И. Васильев, поэт, выпускник Литинститута А. Мамаенко, психиатр А. Мартусенко, хореограф О. Кондракова и художник И. Гаркуша. При Краснодарской Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова были организованы курсы по изучению языка Арахау, лекции прошли в Литературном музее и других библиотеках кубанской столицы. Деятельность Сообщества Арахау была замечена, и в Краснодарском отделении Союза писателей России была создана научно-фантастическая секция. Позже общими усилиями энтузиастов был открыт Клуб любителей фантастики и фантазии («Клюфф»).

Можно сказать, с этого момента небольшое конлангерское сообщество стало своего рода ньюсмейкером. Стоило в 2013 г. Независимому международному содружеству современных литераторов «Intenia» при Управлении по делам молодежи местной администрации города признать Арахау одним из «официальных языков» для общения на форуме в соцсетях, как в СМИ вышла заметка «Язык Арахау стал официальным в Краснодаре». В одной из газетных публикаций («Так сложились буквы») появилась забавная интерпретация фамилий кубанских высокопоставленных чиновников на Арахау. А когда была направлена заявка в Летний институт лингвистики (SIL International) на получение языкового кода ISO639-3 для Арахау, сюжет («Язык Арахау получит международное признание») показали по местному ТВ. Позже на Арахау заговорили дикторы кубанского телевидения: Tafresorl, kaazargel («Мы рады вас видеть, дорогие друзья!»). В одной из газет Арахау назвали «лингвистически достопримечательностью Краснодара», как намек на возможный в будущем туристический бренд. Как с иронией заметил один из блогеров, «Что от нас останется, кроме текстов и Арахау? Ну, могут еще быть дети». Другой добавил: «Что вот есть уникального в Краснодаре? Кубанское казачество и Арахау».

К этому времени в сети появились шуточные высказывания об Арахау. Например, необычное звучание и возможность образования инвективов породили такой афоризм – «Вуучить Арахау и ругаться на нем», а сверхкомпактность конланга – «Арахау многократно сокращает поток речи. Надо тебе сказать, чтобы учила».

В 2014 г. тиражом 500 экземпляров вышел учебник языка Арахау со словарем на 1200 слов. Презентацию предложили организовать в Краснодарском филиале «Российской газеты». По итогам мероприятия на Общественном российском телевидении (ОРТ) вышел социальный репортаж (Краснодарский журналист изобрел новый язык – Арахау), посвященный этому событию.

Учебник создавался долго, особенно словарь, поскольку лексикография для полисинтетических языков представляет проблему даже для естественных языков, например, чукотского или эскимосского. Не было подходящих образцов и пришлось импровизировать.

Любопытно и то, что примерно с позапрошлого года Арахау начали использовать кубанские писатели в своих произведениях. В 2013 г. создан первый научно-фантастический рассказ И. Кротова «Картина взросления», в котором главные герои получили имена на языке Арахау. В нем задействованы персонажи Пама (pama – 'крыло', букв. «то, благодаря чему человек летает») и Птар (ptar – 'робот', букв. «то, кого превращают в человека»). Есть еще одно слово, взятое из словаря Арахау – Абр (abr – 'голова') – планета, на которой «все праведные, раз в сезон, в день противостояния обоих солнц, собирались в храме, чтобы прикоснуться к истории предтеч». Также можно назвать новую книгу М. Елатко «Громовержец», в которой злые персонажи используют язык Арахау и в частности такие фразы: Hogoúsaaat – «Это место будет нашим», Tjesoh – «Я сделаю это» и Kaurē – «Красавчик». Писатель С. Резниченко даже так и озглавил свой рассказ – «Арахау» (о юноше, который в объёмах войны Донцке «учит язык, на котором никто почти не разговаривает»). Зачастую обращаются школьники с просьбой перевести несколько фраз на Арахау для своих фантастических произведений. Отсылаемых на многочисленные конкурсы в интернете.

Надо сказать, по инициативе редакции «Asa» уже не один год подряд проводится конкурс «Лицо Арахау», в ходе которого объявляются персоны, внесшие как вклад в развитие распространение нового конланга. Победители получают призы – почетные грамоты и майку с надписью на Арахау: Edatracasad samareta («Родина слышит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает»). А недавно объявлен еще один конкурс – всем желающим

предложено прочесть на Арахау стихотворение, прозаический отрывок или даже спеть под караоке (для этого на выбор предлагаются специально подготовленные тексты). На базе одной из городских библиотек создана декламаторская лаборатория по отбору претендентов. По словам специалистов, Арахау – хорошее подспорье для тренировки речи.

Весной 2015 г. у языка Арахау появился еще один журнал Golor («Апокриф»), вышло уже три номера. Создан он на базе одноименного издания, который выпускается в Калининграде. Здесь публикуются переводы на этом конланге классических произведений. Так, во втором номера этого журнала вышел самый большой текст, когда-либо переводимый на Арахау, – библейская «Песня Песней царя Соломона» (на Арахау: GarasgarasgSolomon).

А с 2016 года при журнале Golor («Апокриф») начал работать сайт, который выходит исключительно на языке Арахау – ahu.apokrif93.com.

Конлангерство

АНДРЕЙ БРАЕВ-РАЗНЕВСКИЙ, г. Саянск (Иркутская область)

Из прошлого – в будущее

Возвращаясь к теме искусственных языков, я хотел бы показать, как в 19-м веке идея Всемирного Языка нашла поддержку в умах людей, но из этого ничего не вышло по социальным и внутренним причинам.

То есть, руководители государств никогда не думали о Всемирном Языке, поскольку цари ведут борьбу за власть, народ погружен в свои повседневные заботы, а люди, создающие языки, недостаточно объективны, чтобы создать тот продукт, который необходим. Это – причины неуспеха общей идеи.

И сейчас мы будем говорить про 19-й век. Сохранились высказывания о Всемирном Языке различных деятелей искусства. Но, к примеру, Николай 2-й ничего не говорит на эту тему. Любой человек, живущий в России, пристально следит за рассмотрением личности последнего царя, но в его мозг поступают лишь отрывочные факты, по которым ничего нельзя сказать в защиту или оправдание царя. Просто царь, как и мы, простые люди. Ничего особенного. Кто-то при желании может возбуждать в своем мозгу какие-то волны, гнобить царя, или делать из него святого, но в сухом остатке – набор сухих фактов, ни о чем не говорящих. Говоря коротко, можно констатировать: последний император никак и ничего не говорит о проблеме Всемирного языка.

В 1879-м году вышел учебник языка волапюк. Автор – священник И. М. Шлейер. Язык походит на немецкий, наиболее популярен – в России. В 1887-м году выходит учебник языка эсперанто. Язык походит на испанский, сторонники волапюка постепенно становятся эсперантистами. Далее. Движение эсперантистов растет, но не лавинообразно, тормозится, и переходит в вяло-текущую стадию. И так – до наших дней. В России сейчас 1000 эсперантистов. И сами эсперантисты все время говорят, какой у них популярный язык – миллион последователей по всему миру.

Собрав кучку людей, эсперантисты ожидают наплыв «новых посетителей», которые решат проблему Всемирного языка. Но ничего не происходит.

В 1858-м году был создан язык Монопанглосса. Автор – Паулин Ганье. Видимо, это француженка. Язык не имел никакой популярности, то есть, «не мог раскрутиться», но, можно предположить, что Паулин имеет миллионы франков... И тогда, возможно, язык «Монопанглосса» шествует по миру, и проблема решена.

Никто, я уверен, не имеет ни малейшего представления, что значит «лучший язык», и какой именно проект сейчас надо поддержать, чтобы вечная проблема была решена раз и навсегда.

Что лучше – волапюк или эсперанто? Судя по тому, что эсперанто вытеснило волапюк, оно лучше. Оно смогло конкурировать. Но я могу сейчас с полной уверенностью сказать, что язык волапюк был лучше. Лучше в том, что его автор стремился создать более оригинальный, более необычный язык. Он, заимствуя слова из разных языков, пытался их трансформировать, в то время как Людвиг просто тупо выдергивал слова из разных языков, и присоединял окончания, приставки, и другие корни. Шлейер был более творчески активен.

Но Людвиг сделал более простой язык, на котором легко говорить, и который можно быстро выучить. Но, главное, на языке эсперанто удобнее говорить из-за того, что преобладают твердые гласные: а, э, о, у, и-ы. А в волапюке много я, е, ю. Но, тем не менее, в волапюке была какая-то искра, импульс, творчество. Сейчас на нем говорят человек 50, и это люди, которые выучили язык без возможности на нем общаться. И, если вспомнить, когда мир завоевывал эсперанто, волапюкисты переходили на «ту» сторону, но не сразу и не все. Что-то держало людей в этом странном языке...

Недавно был создан язык Арос. И он начал обсуждаться на Лингвофоруме. И, разумеется, эсперантисты не могли обойти его. Недостатки языка были показаны. Куча недостатков. Но, тем не менее, даже с кучей недостатков, если в языке есть какая-то изюминка, он будет жить.

Говоря на тему «всемирный язык», я ловлю себя на мысли, что читатели так и не поняли ни единого слова в моих рассуждениях. Какой язык лучше? Что значит «лучше»? К примеру, если про какой-то язык все говорят очень плохо, то значит ли это, что язык и есть плохой?

На это я могу ответить коротко: плохое – это то, что не находит отклика. То, мимо чего все проходят мимо. Если говорить про эсперанто, то у них главное – это возможность быстро выучить язык и общаться на нем, и мечтать, что все люди всей планеты станут эсперантистами. То есть, для них главное – это не сам язык, а его применение.

Но возьмем, к примеру, русский язык. Поскольку мы все говорим на нем с детства, то, разумеется, для нас он очень хорош. А что скажет о русском языке иностранец? Он, безусловно, скажет, этот безумный язык выучить невозможно, и я его выучил только потому, что он прикольный. В русском языке вообще все нелогично. Зачем нужны падежи? В японском, к примеру, 13 падежей, но за каждым из них закреплена какая-то функция. А в русском языке один падеж выполняет несколько функций (японских). То есть, там все просто: соединительный падеж – это -по. Hataraku – «работать», hataraku-мо – «и работать». Разве не понятно, что японский язык лучше и прагматичней?

А что в русском? – «Я вижу дом». Это тут винительный падеж или вообще без всяких падежей? А зачем у нас кто-то убрал звательный? Этот звательный падеж кому-то мешал? Не пытайтесь понять логику русского языка. Это – стихийно, что имеем – то имеем.

Но, изучая новый язык, мы испытываем насильственность, и, в то же время, получаем положительные эмоции. Отчего? Этого не знает никто. Оттого, что язык – это искусство!

А эсперанто – это, скорее, некий алгоритм, который позволяет быстро выучить язык, прийти в ночной клуб «Эсперанто», и начать говорить. И никакой эстетики. Главное – ты в теме, тебя тут признают. Но разве в этом смысл языка?

Если, к примеру, один русский ученый, прожив лет 60, решил создать новый язык, то есть, Арос, то это говорит не о том, что он создал «быстрое средство коммуникации», как у эсперантистов, а, скорее, некое новое произведение искусства, которое должны понять и другие.

Можно, к примеру, найти множество недостатков у нового языка. Но, если в языке есть что-то живое, «прикольное», то недостатки отодвигаются на задний план. И что толку, что язык эсперанто «почти идеален»? Разве можно «идеальностью» завлечь народ? И уж тем более, что ни сами эсперантисты, ни кто-либо еще, не могут

ничего внятного сказать на вопрос «что значит идеал?». Получается, что вообще все дискуссии о языках как-бы бессмысленны.

То есть, любой новый язык должен оцениваться не в том смысле, как на него смотрят самые лучшие лингвисты, а в том, как на него смотрят обычные люди. Ведь функциональность – это лишь одна сторона. Сводить все к функциональности – однобоко и неправильно. Должна быть и эстетика. А как, с точки зрения эстетики, эсперантисты смотрят на свой язык? Боюсь, что им вообще нечего сказать. Эсперанто – это язык, который можно быстро выучить за 1 год, и сразу же начать на нем говорить. Круто. Молодцы. Хвалю. И больше ничего не надо.

Но, чтобы реализовать проблему Всемирного языка, необходимо создать именно такой язык, который будет интересен. Даже если это будет труднопроизносимый и долгоизучаемый язык, то главное, чтобы ученики имели желание снова и снова приходить на занятия, испытывать и муки, и радость, и снова, снова идти и учить (Зип-Джолзик).

В другом случае люди будут ходить на курсы эсперанто, сидеть там всего год, но сидеть так, словно ты сидишь в огне. Никакой эстетики, один прагматизм, одно мучение и зубреж. Но, изучая Зип-Джолзик, ты будешь получать положительные эмоции. Возможно, на изучение языка уйдет много времени, но ведь это время пройдет с радостью, весело и занятно. И все 150 недостатков языка Зип-Джолзик тебе покажутся чем-то эфемерным, нереальным.

А теперь поговорим об английском языке. Можно сказать, что английский язык – это язык всех флегматиков. Я – не флегматик. Мне этот язык не нравится. Говорю прямо. Но кто-то – флегматик. Разве я не должен учитывать его интересы? Допустим, ему очень хочется устроиться на работу, где требуется знание этого языка. И поэтому он должен его учить. Разве кто-то против? Но, проникнувшись уважением к англокультуре, сонетам Шекспира, и прочему, прочему, вдруг этот англоман начинает говорить о «всемирном английском языке»? Тогда я обязан его одернуть!

Если, к примеру, флегматиков огромное множество, то, по логике вещей, английский язык должен быть неимоверно популярен. Вот, оказывается, почему он пробился в Австралию, Канаду, и изучается в школах других стран. Это воистину великий язык! Но великий-то великий, но, тем не менее, не всеобщий. И все другие люди, которые не флегматики, будут всегда изо всех сил противиться его вторжению в те области, где ему не место. И поэтому Англ – это не всемирный язык. Точно так же потерпел крушение «франко-боинг», а до этого – испанский. Но латынь и греческий были универсальными языками, они звучали нейтрально, каждый из них мог стать всемирным.

И так же Балеибелен, не имея поддержки императоров и царей, канул в лету, а про Африхили и вообще никто не слышал. Политика определяет бытие. Так давайте сопротивляться! Мы можем начать действовать вне зависимости от внешних обстоятельств. Ну дак и давайте начать действовать. И перестаньте вы зубрить свой инглиш и эсперанто. Этого от вас хотят другие. А вы должны быть выше внешних обстоятельств. А в ином случае...

Гробица искусственных языков

Необходимо представить музей. В нем – длинная галерея. Под стеклом лежат учебники ОМО, лидеплы, интерлингвы. На стенах – портреты интерлингвистов, их биографии. Здесь – все мертвое, это мертвые искусственные языки, интересные лишь как реликты в середине 21-го века.

Историю создания языков можно представить как длинную цепь эволюции. Многие виды были уродливы и нежизнеспособны, и они ушли в прошлое. Удачные языки не умерли. Но об этом – чуть позже.

Для начала необходимо разъяснить, в чем разница между разными искусственными языками.

Первая группа – это комплексные языки. Именно те, которые со временем будут помещены в музей с названием «Гробица искусственных языков». Принцип их создания прост и примитивен. Берется несколько национальных языков, допустим, китайский, французский и греческий, выбираются слова, одно – отсюда, другое – отсюда, создается грамматика. Вот тебе и язык. Проще некуда. Мне это чем-то напоминает автомастерскую. Берутся колеса от «тойоты», руль – от «запорожца», двигатель – от «мерседеса». Вот тебе и «чудо природы».

Чаще всего при создании комплексного языка используется принцип популярности. Выбираются не любые языки, а самые распространенные. Первое место по популярности занимает китайский язык, на втором – арабский, третье место – испанский, четвертое – английский, пятое – хинди. Это – по официальным данным. Мне кажется странным, что испанский популярнее инглиша.

Если, к примеру, необходимо выбрать слово «дом», то анализируется, где оно встречается чаще. Если слово «дом» имеет сходное звучание в трех языках, значит, оно наиболее популярно, и ему отдается предпочтение. Таким образом создается новый язык.

Легко заметить, что понятие «популярность» есть временный фактор, как и популярность самих языков, и сложение слов правильнее было бы считать случайным, а не закономерным. И продукт получается какой-то неуклюжий.

В естественных языках также есть много случайных факторов и стихийности. Но при этом язык все равно сохраняет целостность стиля. Англоязык образовался путем слияния саксонского диалекта с французским языком. Но при этом каждое слово было тщательно подобрано, причем интуитивно, и образовало нужную форму. К примеру, французское слово «эксплозион» у англичан превратилось в «эксплоужен». Оно было как бы «обточено» под народ. Слова во многих языках все время кочевали из одного языка в другой, и везде обрабатывались. Иногда новое модное слово отказывалось входить в язык. К примеру, слово «телевизор» у англичан превратилось в «тивисэт», а у немцев возникло слово «фернзеген» – «даль»+«вижу». Все эти законы не поддаются никакой логике, действует интуиция.

В русском языке было простое, удобное слово «почин». Но оно исчезло, а вместо него вошла длинная латинская «инициатива». Если бы все эти процессы проходили через разум, а не душу, наш язык бы сейчас сильно отличался от теперешнего. Он был бы уродлив, это точно. Причина в том, что заменить интуицию логикой невозможно.

В русском языке также было слово «аэроплан» для обозначения самолетов того времени. Но при создании пассажирских монопланов из алюминия слово «аэроплан» исчезло, ему на замену пришло «самолет». И тут тоже нет никакой логики. Если бы Ленин заставил всех говорить по-старому, народ бы все равно поступил по-своему. Нелогичное – истинно.

Во всех англостранах до сих пор самолеты называют «аэропланами». По-английски – «эплэйн».

Слово «дальнбойцик» вышло из неофициального, народного языка. Оно образуется от «даль» и «бой». Проще было бы говорить «дальноезды», но логика и тут не срабатывает. Народ всегда выбирает не то слово, которое образовано по законам логики, а которое лучше звучит.

Но создатели комплексных языков идут по другой дороге. Им важна логичность, а не звучание, вот и получают уродливые языки. «Уродство спасет мир» – думают они до сих пор.

Можно вспомнить, как когда-то предлагались слова «тихограм» и «дальновизор». Ни одно из этих слов не вошло в русский язык! Но, если бы в формировании языка принимали участие академики, что они и пытаются делать, язык был бы сильно изуродован.

Академики и так уже изрядно постарались. Мы пишем «званный», но говорим «званный», пишем «что», говорим «чо», пишем «пелеменями», а пишем совсем по-другому. Только «пельмени», без падежей и чисел! Пора бы, наверно, свергнуть этот диктат академиков, когда положено одно, а в жизни – совсем другое.

Интересно то, что во всех языках, кроме русского, новое слово входит в него с изменениями и подчиняется правилам языка-усыновителя. И только в нашем языке каждое слово входит «со своим уставом» и даже требуется его произносить с акцентом языка-оригинала! И это началось недавно, в 20-м веке. До коммунистов было все как надо, но потом...

Слово «профессор» надо произносить через «э», потому что так оно примерно звучало «в оригинале».

Создатели комплексных языков всегда используют только законы логики, потому что сделать из двух языков один – это почти невозможно. Два языка могут слиться в естественных условиях, но никак не в лаборатории. Таким образом, искусственное соединение нескольких языков – это не только уродство, но и примитив. Они берут то, что уже есть, а не создают что-то новое. Это – не оригинально, не полет фантазии. Можно вспомнить советские «жигули», которые были чем-то вроде копии «фиата», только в более уродливом варианте. Но зато «волгу» я бы похвалил – вполне оригинальный дизайн.

При создании нового языка надо быть не монтером, а дизайнером. Надо смотреть не только на то, как устроен язык, но и как он выглядит, то есть, звучит.

Вторая категория – это «моноязыки». В моноязыке слова не берутся из других языков, а составляются по буквам. Действуют законы логики, но значение букв выбрано интуитивно, правила соединения и грамматика составляются с учетом внешнего звучания. Здесь как бы создается механизм порождения слов, но работает он затем уже в автоматическом режиме. Автоматизм вовсе не означает торжество логики над интуицией. В национальных языках тоже работает принцип автоматизма. Там все слова подчиняются алгоритму нации, то есть, любое слово, входящее во французский язык, непременно должно звучать как французское слово, на их манер. Если же звучание не выходит, слово не входит в язык, а образуется из своих составляющих.

Если монолог изготвлен недостаточно умело, в нем есть некоторая уродливость. Но такой уродливости немного, потому что автор старался. Автор не станет зря тратить время, не желая получить удовлетворение продуктом и увидеть восторги наблюдателей. Если же все подряд начнут создавать монологички, то в общей куче будет много недоделок, но нельзя в горе мусора не выделять алмазы.

Третья категория языков – это «языки-мутанты». Другое название – «псевдоязыки». Требуется создать шифр или алгоритм, чтобы из одного национального языка сделать другой, странный язык. Псевдоязык может образовываться из турецкого и внешне сильно походить на китайский. Возможностей – масса.

Четвертая категория языков – это «параязыки». Они также образуются из одного национального языка, но требуется не один шифр, а несколько. Одно слово, к примеру, может быть зашифровано на 10 разных шифрах. Из 10 полученных слов выбирается то, которое лучше звучит (для автора). При этом каждое слово может быть сокращено на несколько букв от начала или от конца. Задача упрощается, если зашифровывать не целое слово, а отдельные буквы.

Шифр – это всегда какой-то алгоритм, построенный строго по алфавиту, или по авторскому, обоснованному порядку букв. Со временем мне стало интересно попробовать создать такой алгоритм, чтобы значения букв подбирались без какой-либо системы, интуитивно. Этот принцип был интересен для меня только потому, что никогда ранее не применялся, поскольку это сложнее. Вышел язык «зип-джолзик». Слово «джолзик» было образовано после того, как несколько попыток назвать новый язык провалились. Обычно название языка что-то обозначает. Язык «идо» назван так потому, что на этом языке слово «идо» переводится как «потомок». Идо – потомок эсперанто. Часто я выбирал слово «новый» для названия еще одного языка. В этот раз мне пришла в голову идея взять название языка «с потолка». Это и ново, и в этом есть какой-то азарт, типа, а не слабо ли? Грубо говоря, слово «Джолзик» ничего не обозначает.

Многие почему-то смотрят на создание языков с каким-то недоверием. В наше время надо зарабатывать деньги, а не заниматься всякой ерундой. Все правильно. Но ведь и досуг – это тоже дело неплохое. Кто-то, к примеру, играет в карты, кто-то разгадывает кроссворды. Им этого вполне хватает, и ничего больше не нужно.

Создание языков – занятие для интеллектуалов, которых не заманишь компьютерной игрой. Несколько языков могут найти применение в жизни, но все остальные будут иметь статичное состояние. Языки будут иметь фан-клубы, книги будут продаваться в магазинах. Появится новый вид читателя – «интерлингвочитатель». Такие люди не будут знать ни одного языка, но будут исправно покупать книгу за книгой и прочитывать каждую от корки до корки по многу раз. Любопытство – вещь сильная. Со временем уже никто не будет косо смотреть на интерлингвистов, каждый будет знать, что эти книги имеют спрос. И затем все люди будут воспринимать создание языков как дело совершенно обычное, а создателей языков – как совершенно нормальных граждан, не переживших стресс.

И, кроме того, все будут говорить на одном-единственном ИСКУССТВЕННОМ языке. И будут знать, что этот долгий путь был не напрасным, он привел к цели. Может быть, окажется, что турецкий язык был когда-то создан одним человеком, и является искусственным. Все может быть. Может оказаться, что все вообще языки либо искусственны, либо потомки искусственных. Сейчас мы этого не знаем, и можем лишь предполагать.

Разделение языков на искусственные и естественные не должно означать разность в качестве. Я думаю, что возможно и наоборот, чтобы искусственный был лучше. Пока же общепринятым остается мнение, что дерматин всегда ХУЖЕ натуральной кожи. На это можно сказать только одно: мы еще посмотрим что да как. Будущие времена должны расставить все по местам. А сейчас – время для заблуждений, и не только в отношении языков, а во многом другом. Задача передовых людей – опережать свое время, и отрицать заблуждения. Это вызов, конечно. Но мы идем в Будущее, а вы просто тянете назад. И тяга назад очень сильна, она побеждает в мозгах людей. Но эти люди – люди настоящего, а для будущих времен – прошлого. Мы выбираем Будущее!

Проза

ВИКТОР МАЛЬЧЕВСКИЙ, г. Краснодар

Мишень

Здание компании ЭМБРИЛЛ, расположенное на Девятой авеню, походило на гигантский египетский столб. Выполненное в бордовом стекле, в вечерних сумерках оно отливало кровавым багрянцем, производя гнетущее впечатление.

Дилан Кеннет ступил на порог, и легкие прозрачные двери тотчас бесшумно разъехались в стороны. Просторный ярко освещенный холл сиял полированными гранитом. Не привыкшему к подобной роскоши Кеннету сделалось неловко. Это был второй визит в фирму. Первый раз он заходил сюда ровно три месяца назад, прихватив с собой все свои сбережения, отложенные на покупку дома.

Девяносто два дня прошли для 36-летнего ветерана «Дельта Форс» в тревоге и сомнениях. Но сегодня он окончательно подтвердит выстраданное решение подписью договора с компанией.

Уверено войдя внутрь, Кеннет направился к противоположной стороне пустынного зала. Там, за стойкой, угадывался распорядитель – улыбчивая китаянка. Сверившись со списком на экране монитора и внимательно изучив предъявленные документы, она позволила гостю пройти. Скучающий у лифта охранник проводил Кеннета безразличным взглядом, лишь на мгновение оторвав глаза от глянцевого журнала.

Стальная кабинка бесшумно доставила Кеннета на 22-й этаж. Покинув лифт, Дилан оказался лицом к лицу со служащей, как две капли воды похожей на китаянку снизу. Сходство ошеломляло. Мужчина несколько оторопел, однако стрел странное явление обычным делом в стенах ЭМБРИЛЛ.

Угадав причину растерянности клиента, девушка мило хихикнула, предлагая гостю пройти в глубь офиса. По прошлому визиту Кеннет помнил местонахождение кабинета старшего клерка, поэтому уверенно направился мимо пустующих в конце рабочего дня персональных кабинетов офисных служащих.

Этаж являлся полной противоположностью холлу. Поделенный на отсеки, он казался излишне загроможденным ортехничкой, разнокалиберными полками и шкафчиками: стены сплошь увешаны мониторами, демонстрирующими пустому залу загадочные анимированные таблицы. Лишь однажды на глаза Дилану попались крохотные горшочки с комнатными растениями. Но их было явно недостаточно для уюта.

Центральный коридор внезапно закончился стеклянной дверью, с внутренней стороны затененной широкими жалюзи. Кеннет для верности взглянул на блестящую табличку с надписью «Начальник отдела продаж Макс Фарелл» и, тихонько постучав для приличия, вошел.

Как и в первый раз, за громоздким и, казалось, абсолютно стерильным столом сидел долговязый молодой мужчина академической внешности. На нем был темный дорогой костюм, сдержанных цветов галстук, а тщательно выбритое худощавое лицо оперативно демонстрировало дежурную улыбку. Откалив от большого монитора на массивном кожаном кресле, мужчина резво вскочил на тонкие ножки и, стремительно перегнувшись через широкий стол так, что Кеннету захотелось его подхватить, протянул гостю длинную руку.

– Мистер Кеннет, если не ошибаюсь? Прошу, садитесь. Вы вовремя, – клерк указал на глубокое кресло поблизости. – Знаете, как говорят: точность – вежливость королей!

Фраза о королях показала Дилану нелепую, потому что сам он выглядел, мягко говоря, неказисто: заношенная джинсовая куртка, мятые штаны, стоптанные ботинки. Ему было не по себе в шикарно обставленном кабинете, и все же он воспользовался предложением хозяина. Кресло оказалось удобным. Оно потлотило Кеннета, словно зыбучий песок. Наверное, в таком положении, он вполне мог бы провести целую вечность. Будто угадав мысли клиента, молодой человек досадливо развел руками и посетовал:

– Вижу, вам удобно, мистер Кеннет. Да и как иначе. Увы, мы живем в век синтетических материалов. А эта мебель – настоящий раритет! – он указал на кожаный гарнитур, занимавший треть кабинета. – Этой мебели, между прочим, без малого 100 лет!

Дилан инстинктивно подсобрался, кашлянул в кулак и уже было приготовился перейти к делу, как клерк вновь затараторил:

– Дорогой мистер Кеннет! Надеюсь, вы позволите мне вас так называть. Прежде всего, хочу от всего сердца поблагодарить вас за доверие, которое вы оказали нашей фирме. Со своей стороны мы, как и обещали, выполнили первую часть заказа полностью и, к слову сказать, с великолепным качеством, в котором вы скоро сможете убедиться. Поскольку вы выждали положенный срок и явились вовремя, я могу с большим удовольствием предположить, что наш договор остается в силе и будет пролонгирован сегодня?

В конце монолога интонировался вопрос, хотя и риторический.

– Вы правы, господин Фарелл, – обреченно произнес Кеннет. – Я не привык останавливаться на полпути. Давайте бумаги и покончим с этим!

Молодой человек участливо вздохнул:

– Ну что же вы так опечалены? Помните, вас ждет увлекательное приключение. Не станем забывать, наша компания все-таки лидер на рынке эксклюзивных развлечений!

Дилана начал раздражать высокопарный слог клерка.

– Я говорил вам в прошлый раз, повторю и теперь: я здесь не ради развлечений!

– Помню, помню, мистер Кеннет, – парировал Фарелл. – Не надо так волноваться. Я всего лишь хотел вас успокоить.

– Я не маленький ребенок, чтобы меня успокаивать. Давайте договор и приступим.

– Вы, если позволите, странный человек, мистер Кеннет. Впрочем, как вам будет угодно.

Легким движением руки служащий открыл верхний ящик стола и извлек инфоблани. Положив пластиковые листы перед Диланом, он заговорил деловым тоном:

– Итак, мистер Кеннет. Прежде чем вы поставите отпечаток пальца в нижнем углу каждой страницы, давайте проговорим детали, – клерк пристально взглянул на клиента.

Дилан кивнул, и тот продолжил:

– Ваш клон готов и ожидает пробуждения...

При этих словах Кеннет вздрогнул и с тревогой посмотрел на Фарелла. Клерк, по всей видимости, ожидал подобной реакции и несколько смягчился.

– Не волнуйтесь, это всего лишь тело. Полноценной копией он станет только после того, как мы насытим мозг клона вашим «профилем», то есть введем суммарные данные характеристик, сформированных вашим жизненным опытом, – всего того, что так или иначе делает вас уникальной личностью.

– После чего я перестану быть уникальным, – ехидно заметил Дилан.

– Не совсем. Клон хоть и будет обладать набором собственных вам качеств, тем не менее останется в неведении вашего прошлого, лишен чувств, эмоций, – клерк наиграно вздохнул. – Не будем забывать, что это всего лишь расходный материал.

– Я хочу, чтобы копия была полноценной.

– Простите? – служащий удивленно взглянул на клиента.

– В договоре сказано: я могу выбрать степень клонирования ментального профиля.

Фарелл выглядел озадаченным, если не сказать расстроенным.

– В общем да, но...

– Но вы с этим не часто сталкиваетесь, так? – закончил Дилан.

Клерк вздохнул.

– Могу я поинтересоваться, мистер Кеннет, зачем вам это нужно?

– Это мое дело, – гладно ответил Дилан и продолжил. – Какова вероятность, что клон окажется сильнее?

Привыкший к подобным вопросам Макс Фарелл вернул себе былую уверенность и штатную улыбку.

– Всецело зависит от вас, мистер Кеннет.

Настало время во второй раз удивить клерка:

– А что вы скажете, если я попрошу, так сказать... уравнивать шансы, вооружив его?

Фарелл, не моргая, уставился на посетителя.

– Признаться, подобной просьбы в этом кабинете еще не звучало, – молодой человек привстал и размеренной походкой принялся расхаживать по комнате. – Впрочем, на все воля ваша. Хотите столь острых ощущений? Вы их получите!

– Повторяю, я здесь не ради ощущений, господин Фарелл. Но, боюсь, вам этого не понять.

– Возможно, вы правы. Мы всего лишь предлагаем услугу по созданию тела, а не души. Наш бог отнюдь не Иисус, а совсем другой, но не менее известный человек, – мужчина ткнул пальцем в портрет над своим рабочим местом. – Профессор Алекс Мердок – первый, кому удалось клонировать человеческий эмбрион. Он раздвинул границы сознания, создал новый мир, создал ЭМБРИЛЛ, наконец! А мы, мы всего лишь его апостолы, если позволите, мистер Кеннет. Хотя, справедливости ради надо заметить, и нам кое-что удалось.

– Конечно. Он создал клонов, а вы их уничтожаете ради собственного обогащения, – между делом заметил Дилан.

– Можно и так сказать, однако замечу, мистер Кеннет, вы обратились именно к нам.

Дилан промолчал, и служащий продолжил:

– Я не стану интересоваться вашими мотивами. Это не моего ума дело, хотя, вынужден признать, своим желанием уравнивать шансы вы здорово меня удивили. Обычно наши клиенты заказывают клонов исключительно в целях, так сказать, сведения счетов, в некотором роде, с самим собой. Надо сказать, причины подобных заказов самые разные, – мужчина глубокомысленно поскреб подбородок. – От внутренних противоречий до скрытой агрессии, эгоизма, комплекса собственной неполноценности, гордыни, склонности к суициду, да мало ли...

– Я могу его увидеть? – вставил Кеннет.

После небольшой паузы Фарелл улыбнулся. Манера клерка стремительно менять выражение лица была невыносима привыкшему к естественному общению Дилану.

– Разумеется. Это ваше право. Прошу за мной, – клерк привстал и уверенной походкой направился к выходу.

– Подождите, вы хотите показать его прямо сейчас? – заколебался Дилан.

– Конечно. Зачем откладывать?

Кеннет поднялся и нерешительно двинулся следом за клерком.

Лифт доставил мужчин на нижние этажи. Оказавшись в тускло освещенном коридоре, густо пропитанном формальдегидом, Дилан приложил к носу платок, любезно предложенный Фареллом. Между тем его спутник, казалось, не испытывал дискомфорта. Они прошли метров 30 и свернули за угол. Впереди светились большие стеклянные двери. Клерк подставил глаз датчику идентификации, после чего стеклянные створки бесшумно разъехались. Дилану открылось просторное помещение, залито тусклым холодным светом. От удивленного мороз пробирал по коже. Кафельный пол, стены, обилие стекла и хрома только усиливали эффект. В комнате находилось человек 5-6 – все облачены в ярко-оранжевые защитные комбинезоны. Занятые работой у мониторов, никто из присутствующих не обратил внимания на гостей. По всей видимости, Фарелл частенько водил сюда клиентов.

Мужчины проследовали внутрь помещения и, миновав лабораторию, вышли в небольшой замкнутый отсек. Служащий приблизился к ячеистой стене, сплошь состоящей из хромированных люков.

– Вы готовы? – задал Фарелл дежурный вопрос, сверяя порядковый номер ячейки с данными на своем коммуникаторе.

Дилан неуверенно кивнул.

Молодой человек вдавил крупную, светящуюся люминесцентно-зеленым светом, клавишу, которая тут же, пронзительно пискнула, окрасилась красным. Приглушенно клацнул замок, и люк с шипением отошел в сторону. Из мрачного металлического черева на Кеннета плавно выехала платформа с клеенчатым коконом.

Фарелл действовал сноровисто. Обойдя платформу, он потянул за молнию. Из кокона показалось лицо, грудь...

В первое мгновение Дилан почувствовал нехватку кислорода. Он глубоко задышал и не сразу расслышал слова клерка. Только почувствовав, как Фарелл трясет за плечо, поднял глаза.

– Ничего страшного, мистер Кеннет. Дышите глубже. Это нормальная реакция.

Сделав глубокий вдох, Дилан медленно опустил глаза.

Сходство могло быть абсолютным, если бы не бледная, даже серая кожа, полуоткрытые стеклянные глаза, словом, полное отсутствие жизни.

Кеннет отпрянул и сдавленно произнес:

– Закрывайте.

– Как вам будет угодно, – печально ответил Макс Фарелл, хватаясь за молнию кокона. – Надеюсь, вы оценили всю скрупулезность нашей работы, мистер Кеннет? Обратите внимание, даже шрам от аппендицита на месте.

– Прошу, уйдите. Я готов подписать документы.

Привыкший хвастать работой, Фарелл пожал плечами, явно разочарованный скупой реакцией клиента.

Между тем увиденное не могло оставить равнодушным, и Дилан на самом деле испытал состояние, близкое к шоку. Минуту назад он смотрел в глаза смерти. Он видел «собственный труп» второй раз в жизни. Сейчас Кеннет вновь переживал чувства, о которых клерк не мог подозревать – ярую, неутолимую злобу и в то же время вину перед этим существом, биологической пустышкой, которая так напоминала о прошлом.

В день охоты Дилана Кеннета инстуртировал лысый дылда в форме сержанта морской пехоты, представшийся Джеком Хогартом. Неспешно прохаживаясь вокруг стола оружейной комнаты, он говорил об арсенале скучно, не забывая при этом поглаживать широкую ладонью каждый предмет экипировки.

– Мистер Кеннет, в вашем распоряжении легкое штурмовое снаряжение: хорошо вам знакомая индивидуальная интегрированная боевая система, включающая разрядник ближнего боя, две гравитационные гранаты, нож и лучевой мушкет, который вы сами выбрали. Так же вы оснащены походным пайком, рассчитанным на 48 часов, – вояка хрипло хохотнул, – дольше ни один клон не продержится. Хотя в вашем случае...

Не желая комментировать свой выбор – вооружить клон, затею, казавшуюся спецам ЭМБРИЛЛ странной, если не сказать больше, Дилан поспешил уточнить:

– Вы подтверждаете, что противник будет вооружен так же, как и я?

– Разумеется, мистер Кеннет. Желание клиента у нас обсуждать не принято. Кстати, в связи с этим рекомендую вам воспользоваться последней разработкой армейских инженеров – защитным комбинезоном «Арма», с функцией регенерации повреждений.

– Только если у клона будет такой же, – решительно ответил Дилан.

Ветеран недоуменно пожал мускулистыми плечами, но все же подвинул клиенту жилет.

– Учтивая ваше армейское прошлое, мистер Кеннет, я не стану терять время на объяснение военных тактик и обучение владению оружием. В тренировочной стрельбе, насколько я понимаю, вы так же не нуждаетесь. Подробная карта местности загружена в интерфейс тактического шлема, и в сущности, если у вас нет ко мне вопросов, можем отправляться на точку.

– Клон уже там? – поинтересовался Дилан.

– Он доставлен и ожидает сеанса.

Сейчас, когда до начала охоты оставалось совсем немного времени, Кеннет чувствовал некоторую неуверенность. Он рассчитывал на злость, полагая, что, как и прежде, она поможет ему, не подведет в ответственный момент. Без этого чувства вся затея казалась ненужной, бессмысленной.

Дилан ошибся, эмоции предательски отступили. С каждым мгновением он чувствовал, как им овладевает апатия. Она застала буквально врасплох. Возникло и не покидало чувство предвечности событий.

Мужчина поднял угрюмое лицо и обреченно произнес:

– Ничего не нужно, сержант. Везите на место.

В полдень вертолет доставил Кеннета к полигону. Сержант Хогарт оперативно разгрузил багаж со снаряжением, бегом проверил амуницию, осмотрел оружие. Затем, напялив штурмовой шлем, проинспектировал данные интерфейса, отображаемые на внутренней стороне забрала: карту местности, биометрику и тактико-технические данные. Оставшись довольным результатом, он всучил Кеннету армейский походный рюкзак и проворно заскочил обратно в вертолет. Перед тем как оторваться от земли, сержант прокричал во все горло обещание вернуться по первому требованию клиента. Пожелания удачи потонули в шуме работающих на форсаже двигателей. Когда звук удаляющегося вертолета начал стихать, Дилан почувствовал необъяснимое облегчение, вероятно, вызванное тем, что затея выходила на финишную прямую и возврата уже быть не могло. Теперь, что бы ни случилось, вертолет заберет только одного.

Отвыкший от полного снаряжения, Кеннет буквально рухнул под весом армейской брони. Встать не спешил. Отбросив перчатки, ласково погладил нежную траву. Сейчас, поздней весной, она радовала глаз мягким салатным оттенком. День стоял солнечный, но не жаркий. На открытых просторах гулял прохладный ветер. Порядком соскучившийся по лесному воздуху, Дилан с удовольствием вдохнул полной грудью. Часы на запястье тихонько пискнули, символизируя начало боя.

Следовало оперативно менять дислокацию, желательно искать укрытие поблизости от точки высадки, в надежде, что цель выйдет на звук вертолета. Таков был первоначальный план.

Охотник спешно преодолел полсотни шагов в направлении леса, перепрыгнул поваленное дерево и приготовился ждать. Из-за полусгнившего, замшелого укрытия открывался отличный вид на широкую поляну с холмом посередине, откуда пару минут назад взлетел вертолет. Фронтально поляну окружал низкорослый, преимущественно хвойный лес, с других сторон подступал редкий кустарник.

Кеннет надел шлем и запустил режим пеленга. Внутренняя полусфера окрасилась зеленым объемным ландшафтом, а через мгновение перед глазами синим огоньком запульсировала яркая точка, обозначающая местонахождение самого Дилана. Задав наименьший масштаб, он еще раз внимательно осмотрел зону охоты, огражденную замкнутой оранжевой кривой, в действительности – трехметровым заграждением направленного магниторезонансного поля большой интенсивности, способного разорвать в клочья любого, кто попытается его преодолеть. Если верить данным дисплея, то общая площадь полигона составляла без малого 200 акров пересеченной местности. Этого было вполне достаточно, чтобы вести продолжительный бой с разных дистанций.

Кеннет вынул из рюкзака сторожевой датчик и прикрепил к поваленному дереву. Похожий на мыльницу прибор тотчас подключился к интерфейсу кибершлема: поляну перед охотником накрыла мелкоячеистая виртуальная сеть – включился режим слежения.

Охотник перевел дух. Теперь никто не сможет подкрасться к нему незамеченным. Он снова нырнул в рюкзак, извлекая потрепанный снимок. С потускневшей фотографии на Кеннета смотрели два абсолютно одинаковых мальчугана. Снимок был сделан двадцать три года назад. Дилан хорошо помнил этот день. Они вместе с Майклом – братом близнецом – играли на заднем дворе в «Быстрый и мертвый». В тот день Кеннет впервые ощутил на бедре вес настоящего револьвера.

В правом верхнем углу виртуальной карты полигона мигнул красный огонек, фиксирующий движение цели. Тактический шлем, работающий в паре со сторожевым датчиком, точно обозначал направление движения объекта, который перемещался с постоянной скоростью вдоль дальней кромки леса.

Кеннет осторожно выглянул из-за укрытия.

«Визуальный контакт отсутствует», – прозвучал в наушниках механический голос.

– Полезное замечание, – буркнул Дилан.

Внезапно спокойствие нарушили крики напуганных птиц. Мелкая стайка взмыла над лесом на достаточном расстоянии, но акустика шлема отлично акцентировала звуковые всплески, отфильтровывая общий фон и делая возможным уловить отдаленные шумы. Беглого взгляда хватило, чтобы зафиксировать местонахождение противника... еще десяток птиц взмыли в небо в ста ярдах к югу. Противник двигался быстро.

Дилан почувствовал, как маховик в груди увеличил обороты. В мыслях он отчетливо представлял схватку. Следовало с первых минут завязать ближний бой. Тогда оставался шанс достичь задуманной цели.

На внутренней сфере экрана снова вспыхнул и нервно замигал красный огонек. Цель находилась совсем близко.

Кеннет инстинктивно приподнял голову, и в ту же секунду выстрел разнес в труху край поваленного дерева перед самым его носом. В ушах зазвенело. Дилан перекатился к другому краю укрытия и замер, сосредоточиваясь на данных сторожевого модуля. Электроника фиксировала противника в пятидесяти ярдах. Информация выводилась на дисплей молниеносно: дислокация, дистанция, скорость передвижения цели.

Притаившийся в засаде, он ждал подходящего момента, однако клон не спешил. Красная точка теперь мигала с меньшей частотой.

– Полсотни ярдов – это слишком много, – досадливо прошептал Кеннет, но все же потянулся к гравитационной гранате, прикрепленной к ремню.

Время замерло. Дилану казалось, что схватка продолжается так долго, что, вероятно, скоро стемнеет. До боли в суставах сжимал он холодный стальной шар, чувствуя, как каменеют пальцы. Красная точка пульсировала все медленнее, казалось, вот-вот погаснет.

– Чего ты ждешь, Майкл? – проговорил охотник и непроизвольно затряс головой, пытаясь вернуть мысли на прежнее место. – Иди же, Микки, вот он я.

После слов Кеннета маркер цели начал мигать интенсивнее, словно его призыв был услышан. Дистанция между бойцами стремительно сокращалась. Противник двигался по дуге, вдоль кустарника. Подпустив его на 20 ярдов, Дилан резко выпрямился и метнул гранату. Приглушенный наушниками, сдавленно рявкнул гравитационный всплеск. Почва качнулась под ногами. Спустя минуту, Кеннет осторожно выглянул из укрытия. Заметить соперника мешала плотная взвесь, точнее – сыпавшее с неба земляное крошево. На небольшом расстоянии угадывалась крупная воронка неровной формы. Гравитационный импульс не разрывал в клочья тела, как это делали пороховые заряды. Он бил под дых со стопроцентной гарантией отключки.

Дилан покинул укрытие только после того, как сверился с характеристиками цели, выводимыми на дисплей шлема. Система сообщала о поражении противника.

Клон лежал лицом вниз недалеко от воронки. Он все еще находился в шлеме, а рука сжимала плазменный мушкет.

Кеннет склонился над поверженным пехотинцем, запустил пальцы под ворот защитного жилета. Пульс отчетливо прощупывался. Тогда он резким движением перевернул бесчувственное тело на спину, но прежде чем снять шлем, замаялся в нерешительности, после чего все же вдавил тугие фиксаторы. Слезы навернулись на глаза. Он видел не собственное лицо, а лицо брата. Старше, мужественнее, но все же то самое лицо, которое Кеннет так любил в детстве и которое ненавидел в зеркале на протяжении всей жизни. Как много лет прошло с того рокового дня, когда он так же держал на руках умирающего Майкла, с надеждой глядя в меркнувший, искаженный болью, взгляд.

Дилан встряхнул пехотинца.

– Очнись, Микки!

Оглушенный боец зашевелил губами, издавая нечленораздельные звуки. Под опущенными веками бешено вращались глаза. По телу пробегала судорога. Он постепенно приходил в сознание.

– Микки, братишка, – вполыхах тараторил Кеннет, тормоша клона. – очнись! Ты нужен мне.

Как часто он хотел изменить прошлое. И когда впервые увидел рекламу ЭМБРИЛЛ, то понял – это возможно. Он вернет брату жизнь, и тот, конечно, его простит. Обязательно простит. Потому, что жить дальше с такой болью невыносимо.

Существо в объятиях Дилана вздрогнуло и медленно открыло глаза. Жизнь возвращалась к нему. Кеннет воспрянул духом. Засуетился.

– Так-так, дружище. Смотри на меня! И дыши, дыши.

Как только взгляд оглушенного бойца вернулся себе осмысленность, в то же мгновение изменилось выражение его лица. Теперь оно излучало гнев. Резким движением клон нанес Кеннету удар в горло. От неожиданности тот разжал объятия и, задыхаясь в хрипе, словно срубленный дуб, повалился на землю.

Грузно раскачиваясь из стороны в сторону, клон выпрямился, рассеяно огляделся вокруг. Его взгляд сфокусировался на лежащем у ног человеке. Существо хотело что-то сказать, но челюсти, будто скрученные проволокой, оставались недвижimmy. Звук, вырвавшийся из бугристого горла, походил на рычание медведя.

Откашлявшись, Кеннет сдавленно прошептал:

– Постой! Дай мне все объяснить, – он сделал попытку подняться. – Ты помнишь меня? Это я – твой брат, Дилан.

Клон с ненавистью всматривался в человека, наклоня голову набок, словно пес, внимающий хозяину. Взгляд по-прежнему жесткий, рука в готовности застыла на рукоятке прикрепленного к бедру разрядника.

Очевидно, Кеннет заинтересовал его. В какой-то момент брови на измазанном грязью лице распрямылись, в глазах читалось настороженное любопытство.

Сочтя это добрым знаком и стараясь не упустить момент, Дилан продолжил говорить, превозмогая острую боль в горле:

– Ты узнаешь меня, Майкл?!.. помнишь тетю Эми? Дядю Ричарда?.. А помнишь, как смешно мы...

Существо внезапно зарычало, отпрянув на шаг.

Кеннет испугано следил за оппонентом. Он все еще пытался понять, как ему следует поступить в такой ситуации. Докладка пришла сама собой.

– Сейчас, подожди, – прохрипел он почти восстановившимся голосом, спешно запуская руку в набедренный карман.

Спустя секунду на свет показались бронзовая фигурка ковбоя. Житель Дикого Запада в неистовстве лупил из обоих кольтов по невидимым противникам. Невысокий солдатик стоял на трясущейся ладони, протяннутой существу, едва ли понимающему суть происходящего.

Страх и жалость не должны смешиваться, думал Кеннет. Ибо вместе они слишком ядовиты: мнут, разрывают душу, попирая воспоминания, подначивая и глумясь над прошлым.

– Помнишь его? – произнес Дилан, давясь слезами. – Ты должен вспомнить! Это же наш с тобой шериф.

С любопытством разглядывая фигурку, существо молчало. Эмоции покинули его. Теперь лицо клона походило на гладкий, ни чем не примечательный лист бумаги.

Кеннет был разочарован. Он почти смирился – звать к личности брата, – когда клон, осторожно приблизившись, неуверенно протянул руку к фигурке. Его брови грозно сошлись к переносице, а в глубине глаз забилась еле уловимый огонек разума.

– Ты вспомнил! Нет, ты вспомнил, Майкл! – с надеждой воскликнул пехотинец.

Клон увлеченно крутил в руках солдатика, переводя озадаченный взгляд на Кеннета, и обратно.

Бронзовый шериф был свидетелем той сцены на заднем дворе, когда двое подростков, стоя на небольшом удалении друг от друга, пристально вслушивались в звуки улицы, с нетерпением ожидая полуденного боя часов на здании городской ратуши. Это был знак начала дуэли в смертельной мальчишеской схватке «быстрый и мертвый». В тот проклятый день кобур Дилана оттягивал отцовский заряженный пистолет.

– Ты помнишь отца? – проговорил Кеннет, пристально всматриваясь в лицо клону.

Не получив в ответ никакой реакции, продолжил:

– А ведь он любил тебя... – мужчина помолчал и добавил: – Любил куда больше, чем меня. И этот чертов новенький кольт, который он принес тебе в подарок, как же я мечтал о таком!

Клон продолжал слушать.

– Если бы он тогда принес подарки нам обоим, а не только тебе... ничего бы не случилось. Но ведь для игры нужны были два пистолета, Майкл...

Кеннет опустил на колени, в его голосе чувствовались горечь и еле сдерживаемые слезы.

– Прости, Микки. Я не должен был брать отцовский пистолет.

Эмоции невыносимо давили изнутри, грозя вырваться наружу. Во рту пересохло, горло саднило, а мысли сваливались в кучу. Дилан обреченно вздохнул – он должен довести начатое дело до конца.

Решительно вздернув подбородок и отстегнув бронжилет, он произнес спокойным голосом:

– Давай, братишка! Самое время свести счеты.

Клон все еще сжимал в руке бронзового солдатика. Теперь выражение его лица было растерянным. Он выглядел оббитым с толку невероятной чехардой событий, слов, предметов. Существо, созданное лишь для того, чтобы умирать, быть мишенью для увлеченных охотников, по воле случая оказалось наделенным властью над человеком, всецело готовым принести себя в жертву свести. Клон не понимал уготованной ему роли. Но неосознанное, сдерживающее гнев чувство к тому моменту плотно укоренилось внутри. Он плохо различал слова, почти не угадывал их суть, но вместе с тем сознание рисовало отчетливые картинки неведомого прошлого: пыльный частный двор с покосившейся изгородью, рядом невысокий мальчуган. Он играет новеньким игрушечным пистолетом, только что подаренным отцом, поднимает глаза, в которых так много счастья... Бьют часы на здании ратуши... Выстрел! Едва успев выхватить из кобуры новенькую игрушку, мальчик падает. Он смертельно ранен...

Существо тяжело задыхало, хватаясь за грудь и разрывая высокий ворот куртки. Оно жадно глотало воздух, пока чужие эмоции сдавливали сердце, а всплывающие урывками образы нещадно жгли просыпающееся сознание.

– Стреляй же, Майкл! – Мужчина в мольбе протягивал руки к разряднику. Наставленный на него, он нервно дрожал в руке клона.

Кеннет закрыл глаза и протяжно выдохнул, словно сбрасывая невероятно тяжкий груз. Много раз воображение рисовало эту сцену. Теперь же, наконец, придет отпущение греха его жизни.

Выстрел всегда звучит неожиданно. Дилан вздрогнул, и в ту же секунду его захлестнула боль – не физическая, не та, к которой он был готов.

Как и тогда, много лет назад, в пыльный полдень, он вновь ощутил невыносимое чувство потери, отозвавшееся дребезжащим звуком ратушного колокола. К горлу подкатил ком, а из-под опущенных век потекли слезы.

Кеннет открыл глаза. Перед ним, сжимая дымящийся разрядник, лежал его брат-близнец. Скрытые наблюдатели поединка не могли видеть и тем более понимать глубины отчаяния «победившего» охотника, чей согбенный силуэт одиноко застыл посреди огромной поляны. Не могли предвидеть они и того, как невыносимая жажда искупления порой легко сменяется холодной расчетливостью.

Из-за опушки леса послышался нарастающий гул вертолета.

Дилан опустил глаза, чтобы еще раз взглянуть на родное лицо.

– Охота еще не окончена, – проговорил он, доставая разрядник.

Последнее, что он увидел в жизни, – лежащую в траве бронзовую фигурку ковбоя, бездумно палящего из пистолетов.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, г. Краснодар

Легенда о Стоунхендже

Невысокие черноволосые люди мотыжили небольшие поля с ячменем, овсом и полбой. Охотились они на оленей и зайцев. Разводили свиней и коз.

Они жили родами во главе со старшими женщинами и мужчинами, которые говорили со своими богами-родоначальниками об удачной охоте и урожае. Когда-то они пришли с далеких восточных гор из-за моря. Они убили местных малочисленных охотников и прибавили их женщин к своим. Был еще род потомков богов – небесных светил. Раньше этот род жил на северном краю мира у холодного моря в старых каменных деревнях. Они тоже говорили со своими предками – Солнцем, Луной и звездами об урожае и удачной охоте. Но делали они это за весь народ.

И предки к ним прислушались. Поэтому голода не было и рождалось много детей. И так продолжалось довольно долго. Но поля были маленькие, а людей стало много. И зерна стало не хватать.

И юноши, жившие перед женьбой в лесу во главе с наставниками, стали чаще обычного нападать на соседние роды. Они забирали себе скот, запасы и девушек. А те роды нападали на них в ответ. Многие воины гибли и их хоронили под огромными камнями. Живые собирались у этих камней и приносили кровавые жертвы Черной богине смерти и ее Красному супругу. О ее Белой и Зеленой сестрах стали забывать. Вообще воины стали сторониться других людей, начали оскорблять женщин и стариков даже своих родов.

Род потомков небесных светил стали забывать, стали подсмеиваться над ним. «Зачем говорить со светилами и небом? Они все равно движутся предначертанными Судьбой путями, говори с ними или молчи. А военное счастье переменчиво, а его боги насмешливы и непостоянны. Зачем кормить хитрецов, которые получают богатство за то, что будет сделано и без них?».

Род потомков светил стал получать все меньше приношений. И однажды его глава сказал: «Когда люди думают, что дождь и тепло приходят сами собой, богам больше нечего делать среди них. Наши предки ушли от людей на небо и стали светилами. Вот и нам пора к ним, пока не иссякли приношения и нам не стало голодно. Глядишь, на небе мы просим предков вернуть людям мир».

Все члены рода принялись пить настой из круглых грибов и петь призывы к Солнцу и звездам. Настой дали даже маленьким детям. Потом дети уснули, а за ними – женщины, потом – мужчины. Тогда глава рода позвал тупоумного гиганта с большой головой, в которой совсем ничего не было. Гигант не мог даже говорить, но был сильным, и потому угодным богам.

По приказу главы рода он задушил всех спящих веревкой из дубового луба. А последним – и самого главу рода... Потом местные мужчины похоронили священный род и завалили его останки местными бурями валунами. Времени у них было мало, надо было отбивать угнанный скот...

Прошло несколько лет. Все было по-прежнему, только затяжные дожди чередовались с безводными засухами, скот умирал от голода и болезней, уходили лесные звери.

Люди стали умирать от голода. Воевать больше не было смысла, потому что отбить у соседей было уже нечего. Люди и так уже ели слабых и умерших сородичей, стариков и маленький детей.

Тогда знающие и опытные мужчины и женщины собрались вместе. И стали спрашивать, что делать. Спрашивать Праматерей и Праотцов, небесные светила, Воды, Землю и друг друга. Но ответа им не было. Даже самые знающие и опытные стали отчаиваться.

Никто уже не мог спать даже ночью. Тогда самый молодой и решительный мужчина из знающих перерезал себе горло кремниевым ножом. А самая старая и уважаемая женщина собрала его кровь в чашу и полила ею валуны, под которыми был похоронен священный род.

Тогда в полночь вззошло солнце. И знающие люди увидели большой дом собраний, где восседали все небесные светила со священным родом. Глава рода красноречиво говорил перед своим предком, Старцем-Солнцем.

Старец-Солнце выслушал его и обратился к знающим людям: «Надо уважить священный род! Положите их, все шестьдесят три, на священном поле Солнца, где они всегда говорили с нами. Положите их кругом, повторяющим наши пути! И поставьте над каждым большой голубой камень с Западных гор. Тот, который похож на небо после заката и перед восходом. Небесные светила движутся вечно. Камень – то что вечно и неподвижно. И тогда будет вам еда и удача!».

Тогда все роды собрались и во главе со знающими людьми пошли в Западные горы. Люди были слабы, и у них почти не осталось еды. Но знающие люди учили их делиться друг с другом и не падать духом. А с жадными, ленивыми, и отбирающими еду не делились и выгоняли их в горы, где они умирали. Самым работающим давали больше других. А так же тем, кто добывал пищу для всех остальных. Те часто сами отдавали почти всю еду большим и слабым. Но слабее от этого не становились, только крепче.

Вскоре были вырублены шестьдесят три голубых камня. Они были огромны и тяжелы. Один камень тащило на деревянных волокушах несколько родов. Было очень тяжело. Но тащить помогали древние священные дороги, которым знающие люди пели хвалебные песни, и они сами толкали камни вперед. Знающие люди научили всех делать отвары из грибов и трав и петь песни, делающие труд радостным. Да и сами люди привыкли много, дружно трудиться и помогать друг другу.

Поэтому вскоре камни доставили на поле Солнца и похоронили под ними священный род, как и велел Старец-Солнце.

Вскоре дождливые и солнечные дни опять стали чередоваться на благо полей. Звери вернулись в леса, и скот начал хорошо плодиться.

Люди разных родов теперь работали лучше и дружнее, чем раньше. Пока шла работа с камнями, они привыкли друг к другу и научились улаживать ссоры миром.

Для всего народа наступили покой и изобилие. Два раза в год, на зимнее и летнее солнцестояние, все роды собирались вместе на поле Солнца у голубых камней. Тогда же к ним с неба спускался священный род. И они вместе пировали и веселились, обменивались дарами, договаривались о приплоде и урожае. Много выпивали

пьянящего ячменного напитка, в эти дни священную грибную настойку пробовали не только знающие. Кашу из зерен управляли сладким ягодным сиропом, с нею ели сочное мясо молодых кабанов.

Не удивительно, что на эти пиршества сходились люди с дарами из самых дальних мест. Даже с далеких северных гор у холодного моря! Откуда когда-то вышел священный род...

Прошли сотни лет, и народ еще больше окреп, хотя и смешался с пришлыми. Что-то из прошлого забылось, но главное продолжали помнить. Между священным родом и небесными светилами больше не делали различия, но почитали их как одно целое. Тогда и построили кольцо из огромных серых камней, которые ставили по три вместе дверями для входа Солнца.

Прошло много веков, и местный народ ослабел от покоя и богатства. Развилась лень и себялюбие, часто сил не хватало даже на распри.

Тогда появились пришлые люди. Они победили местных, отобрали у них скот и земли, обложили данью. Эти люди сначала жили в далеких степях на востоке, у моря. Там они пасли огромные стада. А потом переселились к большим горам дальше к западу, а от них уже переправились на остров. Они умели плавить металл и ценили одного человека порой больше целого рода. И потому хоронили покойников в одиноких курганах. Кроме металла и глиняных кубков, они принесли весенний праздник выгона скота в поле.

Пришельцы были добрыми людьми, потому что почитали благородными тех, кто первым шел в бой и отступал последним в случае поражения. И кто готов был отдать последнее нуждающимся. И они уважали каменное кольцо, как место великих мертвых, старались насыпать курганы своих героев поблизости от него. Но они уже не сходились к нему на ежегодные празднества, и жизнь пошла при них уже совсем другая.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ, г. Серов (Свердловская область)

Не выключай свет

Я путешествовал автостопом. По глупости я вышел в необжитой местности, и долго не мог поймать машину. По обе стороны от дороги простирались поля, и не было даже кустов, способных скрыть от палящего солнца. Немного спасали положение темные очки и бейсболка. На небе – ни облачка.

Наконец вдали показалось пыльное пятно, и вскоре подъехала машина, ташившая его за собой. Это был очень старый кабриолет с двумя парнями на передних сиденьях и двумя девушками и ребенком сзади. Несмотря на тесноту, мне дружелюбно позволили втиснуться на заднее сиденье. Ребята удивлялись, что я рискую ездить автостопом, я удивлялся, что меня посадили в переполненную машину. Крыши катастрофически недоставало, езда не спасала от палящего солнца, к тому же все покрывалось пылью.

Поля сменились перелесками, слева показалась деревня.

– Ну, нам направо теперь, а тебе удачи поймать еще кого-нибудь, – напутствовали меня местные.

– А слева что за деревня?

– Совхоз заброшенный, «Солнечный». Поля заросшие – это ихние.

Что может быть загадочнее покинутого поселка? Для бешеной собаки десять верст – не крик, и я свернул посмотреть на руины совхоза.

Многие дома оказались сожженными, другие зияли проемами окон и обнаженными слегами крыш. В середине поселка возвышалось двухэтажное здание школы, тоже с полуразобранной крышей. Пахло дымом костра, и я понял, что здесь не один. За школой пожилой мужчина пилил доски, сложенные стопкой между вертикальными рейками, прибитыми к шпале.

– Бог в помощь, – приветствовал я.

– А сам помочь не желаешь? – не отрываясь от дела, отвечал мужик.

Распилив стопку старых досок, мы понесли их в школу. Там на полу тлел костер, все помещение было черным от дыма. Чем-то это напоминало ристалище в древней пещере. Когда доски занялись, мужик уселся на картон, постеленный на полу, и без предисловия и знакомства начал рассказывать. Так шаман передавал свои знания ученику на заре человечества, освещенный бликами пламени и окутанный дымом курений. Знания, которых простой смертный вынести не способен...

– Ты думаешь, зачем здесь костер. Что я, совсем чокнутый, что поддерживаю огонь в этом зале? – «Шаман» надолго замолчал, прислушиваясь к чему-то. Искра упала на его сапог и, побелев, размякла. – Когда-то Земля была необитаема, и лучи Солнца проникали во все ее трещины, во все поры и кратеры. Солнечный ветер сглаживал ее поверхность, а в недрах горел огонь. Это была Эра Света. Но болезнь уже начала свое темное дело. Появлялись хвощи и папоротники, они научились отбрасывать тень. Ступилась атмосфера, и вновь стало меньше света. С каждой рожденной раковиной, с каждым созревшим семенем мрак отвоёвывал себе частичку мира внутри них. Наконец, появились люди. Они думали, что несут свет, но несли тьму. Мрак ширился с каждым новым шалашом, с каждой новой пещерой. Каждый новый дом занимает все больше пространства, до которого Солнцу уже не дотянуться. В наших кораблях и самолетах нет места свету, эти рукотворные каверны чаще содержат мрак, чем освещаются искусственно. Мрака все больше с каждым заброшенным поселком, с каждым возведенным небоскребом. Я – та самая птичка, которая лежит сверху лапками, надеясь удержать небо. Пока я жив, я буду освещать эти стены огнем и разрушать те, которые в силах разрушить. Уходи, я устал, – внезапно закончил старик, словно закрыв портал для общения с оракулом. Только теперь я понял, почему столько совхозных домов сожжено, а у других нет крыш. Понял, чьих рук это депо, глядя на старое лицо с черными провалами глаз и морщин. Понял, сидя на бетонном полу в пустой черной комнате.

С тех пор я думаю о мраке вокруг нас. Мраке, в самый солнечный день таящемся за шторами комнат, прячущемся под капотами машин, горячих от солнца; переплетенном кронами деревьев и корнями трав; затекаем под одежду; мраке, спрессованном между миллиардами страниц самых добрых и светлых книг.

Еще я думаю о старике, поддерживающем немеркнущий огонь в пустых коридорах заброшенной школы, и в корпусах фермы, и в овощных ямах. О смешной старой птице, трепыхающейся в сетях мрака, в одиночку борющейся с мировой тьмой. Мне будет жаль, если его героический подвиг – на самом деле просто бессмыслица. И вот поэтому я никогда, никогда не выключаю свет.

ИГОРЬ ЯСИНСКИЙ, г. Краснодар

Зеленый шум

Доктор Владимир Стрепетов свою работу любил. Начинать он простым терапевтом, но впоследствии многие из нас меняют если не профиль деятельности, то хотя бы ее разновидность... А трудился Стрепетов на поприще нарколога.

В это солнечное, майское утро он, как обычно, добрался на общественном транспорте до своей клиники, специализирующейся на алкоголиках, но не потому, что не имел своей машины, просто в это времяезде пробки, заварил с помощью примитивного кипятильника в глиняной, покрытой глазурью, кружке кофе средней крепости, с удовольствием вдыхнул сладостный аромат удивительного напитка и сделал небольшой глоток.

Очередная тридцать шестая весна в жизни Владимира Стрепетова была в разгаре. Конечно, тридцать шесть – это не двадцать пять, но все равно тело полно сил, а впереди еще столько всего! И даже наличиевание тещи не отравляет жизнь, ибо она с женой и двумя дочурками-дошколятами от мамочки съехали.

Кофе допивалось, заходили здороваться сотрудники, лучики солнца радостно скользили по стене. День начинался. Владимир Стрепетов достал из верхнего отсека типового стола истории болезней и углубился в чтение.

Перед глазами доктора лежало депо одного из бывших «аликов», больного, пристрастие которого из категории «пьянство» когда-то перешло в алкоголизм. А это уже почти всегда болезнь.

...Харченко был керамистом. Оборудовав в своем частном доме маленькую мастерскую, тот лепил вазочки, чашечки, статуэтки и блюдечки из глины. Как раз из чашечки производила этого самого Харченко Владимир Стрепетов сейчас свой кофе и пил. Так вот, несколько лет назад Харченко похоронил жену. Дети с семьями разъехались раньше. Скорее всего, от одиночества и надвигающейся старости Харченко начал искать дружбу с бутылкой. И – доискался. С некоторых пор его сон ухудшился, по ночам давила потливость, в свои сорок с лишним он стал «чувствовать» сердце. После потребления – сколько времени пьешь, столько и длится депрессия. Но только до первой рюмки. И вот однажды, когда Харченко каким-то образом смог посмотреть на себя со стороны – понял, что гибнет. И пошел «сдаваться». Отлежав в стационаре, пройдя капельно-витаминный курс и психотерапию – беседы с врачом, которые, впрочем, возымели действие, он отказался подшиваться, делать номерной укол или кодироваться, а решил держаться сам. И у него это получается! Тут еще дочь с семьей, наконец, согласилась пожить у папика. Тогда-то Харченко сдружился теперь уже с внуком, которого до этого видел редко. И старого, и малого сблизилась рыбалка – это несравненное состояние души, которое, если оно заложено с детства, проносится через всю жизнь. А еще, становившийся снова человеком, Харченко встретил одну из бывших студенческих подруг... Жизнь продолжалась.

...Доктор Стрепетов на секунду задержал в руках историю болезни некоего Шаевича, в прошлом театрального критика, а сейчас непонятно кого, так, оселедца без названия, как тот сам о себе говорил. Потеряв работу – кому сейчас нужны театральные критики – тот где только не тыкался-мыкался, докатившись до сторожа. Невостребованность давила. А вот когда выпьешь – казалось, что не все потеряно. О нем еще услышат, заговорят, оценят! И проблемы снимались после рюмки – другой. Третьей... И следующих. Этот больной, в отличие от Харченко, был морально слаб, и болезнь его жидкилась не на физиологической основе, а на психологической. Когда его привезли в стационар жена и сын, Шаевич в кабинете врача долго беседовал с фиксусом, доходчиво объясняя тому, чем драма отличается от оперетты, а мюзикл от постановки. Этот пациент оказался в плане борьбы с болезнью сложнее предыдущего, ибо снимает психологическую зависимость у неглупых творческих людей порой довольно тяжело, особенно когда душа надломлена неудачами. Сейчас Шаевич дома, находится под воздействием защитной блокировки уже полгода, и примерно столько же будет находиться еще. А дальше все станет зависеть от близких, но в большей степени – от самого выздоравливающего. Прогноз врача был расплывчатым, хотя и склонялся в сторону позитива.

От мыслей о пациентах доктора Стрепетова отвлек звук открываемой двери. В проеме стояла медсестра Надечка из приемного покоя – предмет вздыханий всех неженатых мужчин учреждения, а порой и женатых. Скромная Надечка, которой очень шла ее непослушная прямая челка, надежд, однако, никому не подавала.

– Владимир Борисович, к вам человек на собеседование, – пропела девушка приятным мелодичным голоском.

Действительно, за ее спиной стоял несколько неопрятный мужчина средних лет.

– Проходите, – доктор Стрепетов указал рукой в сторону кресла.

Посетитель робко уселся на край.

– Слушаю вас, – произнес врач нейтральным тоном.

– Я пью, – тихо сказал человек.

Доктор Стрепетов кинул на посетителя беглый взгляд.

– Вижу. Давно?

– Да всю жизнь. Взрослую, разумеется, – так же тихо прозвучал ответ.

– Вы чем занимаетесь? Женаты? – Стрепетов специально поначалу не стал углубляться в специфику – его интересовало в большей степени не что ответит пациент, а как он будет отвечать.

– Ну... сейчас я холост, – замялся мужчина и опустил глаза.

– Кто был инициатором развода? Жена?

В ответ мужчина еле заметно кивнул.

– Из-за выпивок?

– Не совсем... Но и из-за них тоже.

Врач прекрасно знал, что практически все потребляющие хоть отчасти стараются себя реабилитировать. Порой даже на подсознательном уровне.

– Хорошо. А работа? – поинтересовался доктор.

– Да, работа, – кивнул головой больной. – Я лабуч.

– Что? – не понял Стрепетов.

– Музыкальный шабашник. Играю, то есть, «лабаю» по вечерам в ресторане.

«Ага, вот оно, – начал догадываться врач. – Он там и надирается».

И – точно. Оказалось, что Лев Карпович – так звали неопрятного – три раза в неделю веселит публику в ресторане «Центральный». Свое дело, а особенно музыканту удаются соло-переборы, он знает, отношение администрации к нему хорошее. И во время работы не пьет. Ну, одну-две рюмки водочки для заводочки. Зато когда заведение закроется, их «бэнд» ужинает. А недопитой выпивки всегда остается море. Ну, и...

Стрепетов начал задавать профессиональные вопросы. Как пьете? Ежедневно? (Да, практически ежедневно.) Запойми? Сколько длится запой? Бывают провалы в памяти? (Запой длится до трех дней. Потом – на работу.) Прерываю с трудом, целый день жду ужина. Случаются и провалы в памяти, особенно в последнее время.). А еще Лев Карпович добавил, что с месяц назад ему ночью слышались голоса, звуки открываемых дверей, упавшей посуды.

«Ничего нового, – констатировал доктор. – Алкогольный психоз».

– Но дело в том, что я их даже записал на магнитофон, – будто не веря самому себе, хлопнул глазами пациент.

– Кого?

– Голоса... – прошептал Лев Карпович, извлек из выдавшего вида кожаного портфеля маленький магнитофончик и щелкнул кнопкой.

...Хлопнула форточка... Заскрипела несмазанная дверь... Затем, будто откуда-то из глубины, раздалось писклявое взвизгивание и послышался звук разбиваемой тарелки.

– Кто здесь? – голос явно принадлежал Льву Карповичу.

Хихиканье.

– Кто, кто тут у меня? – почти кричит Лев Карпович.

– Никто, – слышится вкрадчивый голос, непонятно кому принадлежащий.

– Но с кем я тогда... разговариваю? – в интонации Льва Карповича слышится крайняя степень волнения.

– Да с самим собой, – ответил все тот же вкрадчивый шепоток.

– Ну да? – удивился Лев Карпович.

– Чего уж там! В мире встречаются вещи и позабористее. Впрочем, не каждому дано это понять. Вон твоя бывшая выше кухни и грязного халата воспарить не может. Не так? Ну, по пять капель... И еще, да ты и сам знаешь, все твои друзья – «лабухи-музыканты» – конченные дилетанты и щелкоперы.

– Откуда ты в курсе этого? – недоверчиво произнес Лев Карпович.

– Чудак. Тебе ж объяснили, что я – это ты. Просто другие не могут беседовать сами с собой, а у нас получается. Ну, по чуть-чуть...

«Ага, – догадался Стрепетов, – больной так вошел в ситуативность, что даже перед магнитофоном сценку разыграл, изменяя свой голос».

– Ну, и кто же, по-вашему, наговорил все это? – спросил он и с интересом глянул на посетителя.

– Возможно, я сам, – ответил тот, чуть помедлив.

– Ну почему это «возможно»? Разве в квартире еще кто-то был?

– Маловероятно. В свободные дни я предпочитаю пить один. Впрочем, как я разбил любимую с детства тарелку с розочками – не помню вообще. А осколки-то были.

– Немудрено. Вы сами только сказали, что у вас случаются провалы в памяти.

– А две недели назад я видел цветные картинки, – продолжил было посетитель, но раскашлялся.

– Ну, смелее, – подбодрил доктор.

– Я культурно, значит, под закуску начал с утра коньячком и неплохо провел время в обществе самого себя.

– Беседовали?

– Что?

– Ну, у вас опять состоялся внутренний диалог?

– А, в этот раз нет, – понял больной. – Тут другое. Ближе к полудню я глянулся зеркалом и прилег. Тут вдруг у меня в глазах зарыбило, забегало, и все вокруг исчезло.

– Но что-то осталось? – спросил Стрепетов с искренним интересом.

– Из обстановки комнаты ничего. Исчезло все. А вокруг плясали цветные... м-м... блямбы.

– Блямбы?

– Ну, не блямбы, а пятна. Брызги, водопады.

«Оп-па, – вскинул брови доктор Стрепетов, – а клиент-то напивается до цветных галлюцинаций. Дело зашло далеко».

– Так я изловчился, и все сфотографировал, – добавил Лев Карпович, а затем робко протянул доктору три снимка. Тот как-то с опаской взял фотографии и посмотрел.

Он увидел репродукции каких-то картин, хотя подобные, с позволения сказать, работы картинками можно было назвать с очень большой натяжкой. Перед глазами Владимира Стрепетова находилось абстрактное нечто, бессистемная мазня. Так сработали бы обезьяна или слон, дай им кисти, краски и холст.

– Так это все вы видели в вашей квартире? Может, снимки из музея? Или альбомы просматривали?

– Честно говоря, твердо сказать не могу... – тихо произнес посетитель. – Боюсь, когда у меня эти провалы в памяти, я что-то делаю, да не помню что.

«Пожалуй, это самое логичное объяснение», – подумал Стрепетов и только хотел открыть рот, как посетитель резко дернулся.

– Что такое? – поинтересовался врач.

– Да, опять... – замылся больной.

– Итак... Что? Смелее.

– М... Вообще ничего. Я твердо знаю, что ничего. Просто ощущение, будто по тебе... по тебе...

– Муравьи ползают, – уверенно произнес врач. – Угадал? Тактильные ложные ощущения. Ползают?

– Да. Ползают. Только тараканы.

«Без разницы», – хотел сказать Стрепетов, но тут сидящий перед ним мужчина извернулся, хлопнул себя рукой по спине, другой расстегнул пуговицы не совсем свежей рубашки, залез под нее и извлек дергающегося прусака.

Неуловимым движением он большим и указательным пальцами сдавил тому голову и с отвращением вышвырнул в открытое окно.

Владимир Стрепетов потерял дар речи.

– А вы давно делали уборку у себя в квартире? – спросил он чуть погодя, криво усмехаясь.

– Откровенно говоря, не совсем помню, когда это было в последний раз, – признался мужчине. Но тараканы у меня вообще-то не водились. Не замечал.

«Зальешь глаза – и бегемота на кухне не увидишь», – подумал доктор.

– А еще...

– Еще? Что еще?

– Ко мне черти в гости приходили, – выдохнул Лев Карпович, лицо которого вдруг сразу просветлело – казалось, он, как на исповеди, облегчил душу покаянием.

– И давно? – доктору поначалу не хватило воздуха.

– На той неделе.

– Может, фотографии есть? – заинтересованно спросил врач, ибо он уже прекрасно понимал, что данный случай – клинический, но как-то поначалу не мог его отсистематизировать.

– А чего ж нет? – спросил он, в большей степени чтоб не прерывать беседу.

– Мы были заняты разговором, и я как-то о фотоаппарате не подумал, – пояснил будущий пациент.

– И о чем же вы, с позволения сказать, беседовали? – вкрадчиво поинтересовался Стрепетов.

– Они говорили, какой я классный парень. Звали на свою дискотеку и обещали познакомиться с молодой, симпатичной ведьмочкой Стэллкой.

– Ну, и? – больше у доктора слов не нашлось.

– Идти на дискотеку с незнакомыми людьми... то есть, личностями, я побоялся. А в отношении Стэллки попросил, чтоб ее привели ко мне домой.

– Резонно, – доктор хохотнул.

– Вот до чего я докатился, – качнул головой сидящий напротив человек, и кадык его дернулся. – Черти мерещатся. Я читал, что если черти – это уже белая горячка.

– Она, родимая, – кивнул Стрепетов, открывая чистую папку, на которой было написано «Дело №...». – В общем, так. Очень хорошо, Лев Карпович, что вы к нам обратились. Ибо, как говаривал один деятель, промедление смерти подобно. Будем лечить. Хочу верить, что в жизни вас ждет еще много прекрасного, но успех лечения в значительной мере будет зависеть от вас. От воли, выдержки, желания победить. Не скрою – предстоит долгая и нелегкая борьба. Будут и физическая боль, и душевная. Но сделаем все возможное. Вы с вещами?

– Нет.

– Тогда идите домой, собирайтесь и возвращайтесь. И...

– Да, я знаю. Сразу же оплачу. Деньги есть. Только...

– Слушаю, – произнес Стрепетов, а сам с разочарованием подумал, что сейчас будет в отношении оплаты канючка. Но ошибся.

– Деньги есть. Дома лежат. У меня, помимо шабашек, немного акций кирпичного завода. Только я домой боюсь возвращаться.

– Это почему же? – вскинул брови Стрепетов.

Мужчина зыркнул на врача и застыл.

– Боюсь, – опять сказал он через некоторое время.

– Бойтесь? Это чего?

Казалось, мужчина собирается с духом. Его глаза забегали, а рот слегка приоткрылся.

– Да там, в комнате несколько недопитых, почти полных бутылок стоят – это я в воскресенье со столиков пособирал, – как-то с трудом выдавил он, создавая, однако, впечатление некоей недосказанности. Впрочем, данное объяснение выглядело более чем правдоподобно.

– Ага, сорваться бойтесь?

– Именно. Вот если бы кто-нибудь со мной... Я дополнительно оплачу...

Сначала доктор опешил. «А ведь каналья прав, – тут же подумал он. – Не удержится. Уйдет в глубинный запой, так сказать, перед решительным боем. И, чего доброго – впереди вроде как воздержание, надо напоследок отвязаться по полной – сгорит от перебора. А я грех на душу возьму».

– Что ж, далеко вы живете?

– Не особо, – пациент назвал адрес.

– Вася! – крикнул в коридор санитару Стрепетов. – Тут надо смотреть в одно место.

Служебная машина затормозила у ничем не примечательной типовой многоэтажки. Разукрашенные похабными надписями стены, жвачные отплевки на потолке лифта – и трое мужчин оказались перед обитой дерматином дверью. Поворот ключа, щелчок – и вот доктор Стрепетов в темной, с выцветшими обоями, прихожей. А дальше у выдавшего виды врача волосы встали дыбом, а в дальнейшем ему самому понадобилась помощь психотерапевта. Санитар, впрочем, оказался покрепче и выкрутился сам.

За столиком, среди валявшихся опорожненных бутылок, заседали черти. Они о чем-то шептались, кривлялись, а затем разом усталили на вошедших. Раздались визг, писк и хрюканье. Существа скопом кинулись по углам и стали просачиваться сквозь стены. Создание в юбке, послав стоявшему зади всех в проеме Льву Карповичу воздушный поцелуй свиными губами, исчезло последним, оставив в заусенице стола несколько ворсинок...

...Значительно позже, когда Владимира Стрепетова вывели из шока, он принес малюсенький клочок шерсти знакомому зоологу.

– Вроде козел – предположил тогда ученый. А после детального анализа сказал, что совсем даже не козел. Кто? Не знает. Может, шерсть из Африки?

– Да, явно из Африки, – кивнул все еще не до конца пришедший в себя доктор Стрепетов, не став вдаваться в подробности, а лишь поправил под рубашкой купленный недавно серебряный крестик, освященный в самом Иерусалиме.

Мой путь

Ни для кого не секрет, что нравственные устои нашего общества находятся, мягко говоря, не в лучшей форме. Они шатаются, кренятся и, если быть объективным, в любой момент могут окончательно рухнуть и развалиться. Повсюду правит бал культ потребительства, накопительства и удовлетворения самых примитивных инстинктов. С экранов голубых – именно голубых – телевизоров и такого же цвета книжных страниц на нас ежеминутно обрушивается шквал сексуальной распушенности и вседозволенности. Многие аналитики считают, что сие – целенаправленное действие, цель которого – окончательно разложить наше государство духовно и морально. Кое-кто утверждает, что данный процесс характерен для последних двадцати пяти лет нашей истории. На самом деле глубинное расстание общества имеет более отдаленные и, на первый взгляд невинные, не бросающиеся в глаза корни. Но настало время прозреть.

Как известно, все хорошее или, напротив, плохое, закладывается у человека в детстве. Давайте навскидку возьмем всего лишь два детских стишка, и посмотрим ЧЕМ там пичкали детей, а потом подумаем, кто может вырасти из этих детей впоследствии. Итак:

*Ах ты, курочка-наседка,
Ты зачем забралась в сад
И у маминной беседки
Поклевала виноград?
Вот калиточка открылась,
Вот и мамочка идет.
Мама курочку накажет,
Мама курочку побьет.*

Действие происходит в дореволюционной России, которую ряд политиков, историков и литераторов сегодняшних дней идеализирует. А вот не все обстояло в порядке под крыльями двуглавого орла! Семья, в чей сад забралась несчастная курочка, была явно обеспеченной – об этом говорит наличие самого сада: у простого слесаря-путиловца подобных излишеств не водилось. Далее – виноград, возделывание которого у нас в стране в плане дач приобрело массовый характер лишь лет 60 – 70 назад. А тогда виноград являлся прерогативой привилегированного класса. И вот посмотрите, что представитель этого самого класса вытворяет! За несколько бубушек – курица не корова, много не сожрет, мама избивает несчастную птицу. Наседку, будущую мать. А ведь эта садистка сама имеет ребенка! Бедное живое существо, которое, выражаясь словами академика Сахарова, немножко беременна – а разве не так? – яйцо снесла, но потомства еще нет, – возможно, испытывала остаточный токсикоз. Поэтому человека потянуло на кисло-сладкое. И вместо того, чтоб вникнуть в ситуативность, мы имеем грязное избиение. И какой же это пример мать, вроде как интеллигентка, явно социал-демократка, а возможно, и дворянка, подает своему ребенку? И не следствие ли вот таких с позволения сказать стишков, смысл которых держится в подсознании десятилетиями, наличие сегодняшнего уличного беспредела?

Подобное – первопричина и множества других пороков, один из которых – самонадеянность и переоценка сил. Не отсюда ли потерпело крах белое движение в Гражданскую войну? Считаю, что честнее той же курице, козь влезла куда не надо, по рабоче-крестьянски свернуть башку и без разговоров сожрать вместе с яйцами, как неснесенными, так и не неснесенными.

Наличие же курятника у зажиточной дамы – пример мелкобуржуазной меркантильности. Впрочем, курятник мог оказаться соседским. Тогда избиение – вообще криминал. В данном случае, как в цивилизованных странах, необходимо обратиться в суд и взыскать с соседей и материальный ущерб, и моральный, а не заниматься в присутствии сына или дочери рукоприкладством, возвращая в неокрепшей детской душе садистские наклонности.

Но выше озвученное – цветочки по сравнению с небезызвестным перлом Корнея Чуковского «Мойдодыр». Наверьсь смелости и приведу всего лишь одно четверостишие:

*Вдруг из маминной из спальни
Кривоногий и хромой
Выбегает Умывальник
И качает головой.*

Основополагающим, базисным антинравственным началом данного сексуального «шедевра» для малолетних является словосочетание «из маминной из спальни». Ага, вот и вы удивленно вскинули брови. Да, мы Знаем, что у дворян, не как у всех остальных нормальных людей, было принято спать раздельно. Однако утром в спальне мамы находился явно не муж, а некий тип, о личности которого мы еще поговорим. А остановимся сейчас на слове «вдруг», которое неопровержимо свидетельствует, что любовников спугнули внезапно. Скорее всего, ребенок. Сын. Какой позор! На наличие фактора внезапности указывает и то, что находящийся всю ночь в маминной спальне г. Умывальник оттуда не выходил, а выбежал. Возможно впрочем, что не появление ребенка явилось причиной поспешного бегства, ими могло на дитя и начхать. Есть вероятность, что голубки увлеклись настолько, что будильник проспали, а рогатый счастливый муж должен был вот-вот вернуться.

Но имеется и третья версия, не распутно-любовная или просто похотливая. А хуже, значительно хуже. Проституция!

И вот теперь пора подойти вплотную к личности этого самого г. Умывальника – человека во всех отношениях гнусного, порочного, без совести и чести. Он, вне всякого сомнения, стар, ибо страдает болезнью Паркинсона – головой качает. Последнее присуще пожилым людям. Косвенно сей факт подтверждает и хромота г. Умывальника. Впрочем, он может являться калекой от рождения или в результате несчастного случая, но хромоногость ему симпатий в плане женского восприятия не добавляет.

Теперь мы подходим к общественному статусу г. Умывальника. Несомненно, он богат – больной, старый, хромой. Но женщины к нему лезут. Я бы рискнул предположить, что он – банкир или олигарх. И мама вступает в близость с этим типом. Значит, все же деньги, нажитые темными махинациями. Вот такие деятели, вроде Умывальника, проводили впоследствии ваучеризацию, приватизацию, организовывали инфляции и дефолты. Я специально не указываю национальность старого развратника, а то родня Умывальника меня по судам затаскает. Кстати, сходно звучащие фамилии дурашливого растрепанного певца, канаящего под Пьера Ришара, и актера, пародирующего

цыпленка табака, вам ни о чем не говорят? Да еще кривоногий! Итак, резюме – продажа собственного тела инородцу. Вот о продажности инородцам не раз говаривал пламенный сын юриста Владимир, кстати, Вольфович Жириновский.

А дети – они не терпят лжи. Взять даже Эммануэль – она же не встречалась со всякими Умывальниками тайно. Ну, совокупляясь со взводом солдат, любила с животными. Но все это делала честно, не скрывая. Кстати, не тех ли солдат имел в виду г. Умывальник в стоке «Если топну я ногой, позову моих солдат»? Тут ведь пахнет открытой пропагандой группового секса.

А чувства надо сдерживать. Помните, как кончила, в смысле закончила свой жизненный путь небезызвестная Анна Каренина? Не сдержалась. Сонечка Мармеладова тоже могла бы потерпеть и поголодать – у нее просто, скорее всего, кое-где чесалось само собой.

«Будьте бдительны» – предупреждал в свое время Карел Чапек. А как не быть бдительным, когда читаешь пособие по безнравственности – небезызвестный «Колобок»? Его самовольный уход из дома – явный призыв к бродяжничеству со всеми вытекающими последствиями, как туеядство и попрошайничество. Еще Колобок лжив – обманывает всех, кроме лисицы. А поедание извального в придорожной пыли Колобка – пособие по антисанитарии. Результат подобных приемов пищи – возросшее число кишечно-инфекционных заболеваний.

Однако хочется вернуться к «Мойдодыру», потому что там дела намного серьезнее, чем кажутся на первый взгляд. Необходимо заметить, что в отношении Корнея Чуковского тоже есть белые пятна (не их ли контуры позже проступали на платье небезызвестной практикантки белого дома?). Вообще-то настоящее имя автора порнографического откровения «Мойдодыр» – Николай Васильевич Корнейчуков. А теперь он вдруг – Корней (что это за имя такое?) Чуковский. Зачем понадобилось это СКИЙ? Чтоб своих лучше узнавать? Я долго пытался выяснить касательно этого СКИЙ, копался в литературе, запросы делал, ходил куда надо, но меня шуганули бериевские последыши. Так и не выяснил. И все же: Березовский, Ходорковский, Гусинский, Ясинский. (У последнего, кажется, польские корни. Ну ничего, я подсмотрю в сортире, обрезан ли он). Вывод: это все – масонство. Государственный заговор. Вот на что с детства ориентируют наше подрастающее поколение! И в моральном плане разложения личностей налицо! Такие вот Мойдодыры вдохновили Тамару Ивановну, соседку по лестничной площадке гулять от мужа (Та-акя – ух! Выпуклости и вогнутости как у гитары. Бюст – восьмой размер. Голливуд! Я вообще-то думал, что силикон, но в лифте однажды вроде как случайно навалился – нет, все естественное. И соски, как маслины). Когда меня забирали в дурку, я видел в руках соседки это чтение.

Муж про свои рога пронохал. Что там было! Мать честная, что там было! Сейчас вы упадете! Подозреваю, ему глаза раскрыла другая соседка, жирная Нелли, которую никто не хочет иметь. Я подсматривал за квартирой Тамары Ивановны через глазок, а за Нелли – сквозь замочную скважину, потому, что у нее глазка нет. Кстати, эта самая Нелли жирной была раньше, а сейчас села на какую-то новомодную диету. Похудеть-то она похудела, но эта остолопка так переусердствовала, что заработала язву. Меня как раз выписали из психушки, я поднимаюсь, значит, по лестнице, а ее забирает «скорая». Вот так-то! А вы – кремлевская диета, кремлевская диета... В корень надо смотреть.

Но вернемся к нашим книгам. Обещаю, что если я одержу победу на выборах, вся эта бумажная мразь будет гореть такими кострами на площадях, что дедушка Гитлера от зависти в пекле перекурит!

И последнее: когда проводят всевозможные опросы, я никогда не слышу, чтоб интересовались: а какой ваш самый любимый мультфильм? Мой – про пластиковую ворону. Помните?

*Мораль же этой сказки, а может, и не сказки
Поимет не только взрослый, но даже карапуз:
Не стойте и не прывайте, не пойте, не ходите
Там, где идет стряпельство
Или подвешен аруз.*

йикснися ЪроГИ

Деревянные мальчики не умеют плакать, не так ли?..

Когда он увидел его, точнее, то, что от него осталось, он не сразу поверил своим глазам. Как могло так случиться, что светлый мальчик, веривший в чудо, лежит сейчас мертвый на заднем дворе его дома... Не может быть... Все, что угодно, но только не это...

Автор через силу подошел поближе и присел на корточки, вглядываясь в ошкуренную доску. Да, сомнений не было – все эти линии, черточки, выжженные увеличительным стеклом закорючки, прежде принадлежали Буратино. И теперь он лежал здесь, распиленный, уничтоженный, слишком похожий на составную часть гроба. Чего? На этот вопрос Автор себе уже ответил, хотя и боялся в этом признаться.

Но, возможно, в этом куске дерева еще теплится хоть капля жизни? Автор поднял доску, тихонько погладил и спросил чуть слышно: «Как это произошло? Кто сделал это с тобой?». И (о чудо!) дерево дрогнуло в его руке и ответило: «Ты сам, собственными руками сделал это»...

Они говорили всю ночь. Автор не чувствовал холода и не заметил, когда лунный свет залил его лицо, придавая ему мертвенную бледность. Не заметил он и того, как поднявшийся ветер застучал ставнем и разбил окно в его доме. Казалось, что время для Автора и его творения остановилось навсегда, и их разговор длится уже целую вечность. А, может, так оно и было...

Если бы этот разговор случайно подслушал кто-нибудь посторонний и захотел бы позже доверить его бумаге, проще всего сделать это было бы в форме диалога. И так...

Автор: Что ты такое говоришь... Ведь я вдохнул в тебя жизнь, подарил мечту о прекрасном...

Буратино: Да. Вот только ты забыл объяснить, рассказать мне, как жить дальше, в этой жизни с этой мечтой. Ты сочинил красивую сказку с хорошим концом, но совершенно забыл о том, что будет после. Тебе не пришло в голову, что с концом истории – жизнь не заканчивается. А я жил – после. Но ведь тебе это уже не было интересно. Достаточно было того, что в эту историю поверили. Ты так гордился своим произведением, своей талантливой выдумкой... И после этого – хоть трава не расти... А она росла. И все – росли, все изменялись и изменяли. Кроме меня – деревянного мальчишки с ветром в голове и добром в сердце. Как же мог ты так жестоко обойтись со мной?!

А.: Я не знаю, не думал об этом... Ведь ты – плод моего воображения, идея, сюжет. Разве может творение прийти к Автору и предьявить счет?

Б.: Может. Если идти дальше будет некуда. Ты учил меня тому, что вера в добро и справедливость – это единственный путь. Ты писал книги и снимал фильмы, где добро всегда побеждало, а предатель и негодяй бежал, посрамленный и униженный. Ты сказал мне когда-то, что нужно быть честным до конца, и я, дурак, поверил тебе. Теперь я лежу здесь. А ты бредишь, думая, что говоришь со мною...

А.: Но разве я обманул тебя хоть словом? Я действительно считал и считаю, что нужно быть таким – честным, прямым, смелым.

Б.: Ты так СЧИТАЕШЬ??? А что на деле? Где ты был все это время со своей честностью? Как сам поступал? Или ты думаешь, что слова оправдывают все? Ах, какая это была веселая история... Глупый, но добрый и смелый мальчишка, продающий азбуку, чтобы купить билет в театр. Типа, непреодолимая тяга к искусству у подрастающего поколения. Буратино, конечно, поступает некрасиво по отношению к папе Карло, зато приобретает верных и преданных друзей. И, в итоге, золотой ключик к новому театру, где нет угнетателя Карабаса и все равны и свободны. Прямо-таки вечный рай на земле. Так?

А.: Так... Я думал, ты будешь рад этому. Ведь дружба и любовь – это то, ради чего стоит жить.

Б.: Не смей меня. Все это иллюзии, не выдерживающие проверку временем. И ты знаешь это не хуже остальных. Вот только писать об этом не принято. Куда как проще фарисействовать и лицемерить, произнося красивые фразы, за которыми зияет черная пустота. И как мы верили тебе, все эти Буратино, Мальчишки-Кибальчиши, Павлики Морозовы... Но оказалось, что лишь зло умеет развиваться, а добро обречено на самое себя, на бесконечный самоповтор и самообман. Добро – это квинтэссенция зла, поскольку наносит непоправимый вред себе самому.

Ты учил – «будьте как дети», и мы оставались детьми, чистыми, честными, с горячими глазами. Ты врал нам, лукавый, обещая, что за нарисованным очагом есть дверца в счастливую жизнь, нужно лишь в это верить. А на самом деле там оказалась тьма, паучинный угол, безвыходный тупик и одиночество.

А.: Но ведь ты нашел золотой ключик... И дверца за очагом была настоящей...

Б.: К сожалению, да... И мы радовались, глупцы, своей свободе, своему творчеству. Мы думали, что нужны кому-то, что кто-то понимает и чувствует нас. Вот только все это, в конце концов, привело нас к гибели. Прошло совсем немного времени, и зрители ушли из нашего театра. Исчезла новизна, а вместе с ней пропало и любопытство. Им неприятны были наши светлые пьесы, наши счастливые глаза и наивная вера в чудо. Зрители хотели жестокой правды, реализма, крови и насилия. А мы ничего не могли предложить им, кроме своей мечты. И вот, в один прекрасный день, власти объявили нас опасными самозванцами и уничтожили наш кукольный театр. Весь реквизит и помещения торжественно передали Карабасу Барабасу, как наиболее достойному и уважаемому деятелю культуры. Мой друг Пьеро не смог пережить нашего поражения и в одну беспокойную осеннюю ночь пробрался в директорский кабинет и повесился на Карабасовой плетке. Артемона с Тортилой отдали живодерам, как бродячих животных. И только Мальвина и Арлекин сумели пристроиться в новой жизни. Она – потому что изначально была рассудительной и никогда не лезла на рожон. А он – потому что был слишком глуп. И оба они легко забыли о театре и о тех, кто когда-то любил их и считал друзьями. Теперь они работают в департаменте образования и строчат методички о том, как нужно учить детей быть послушными. Меня же объявили подстрекателем к бунту, и на много лет посадили в вонючую городскую тюрьму. Но даже там, в грязной холодной камере, я продолжал верить тебе. Верить в тебя.

Когда я отмотал свой срок и вышел, никто не встречал меня у тюремных ворот. Папа Карло окончательно спился и спал в тот день в канаве беспробудным сном. Арлекин и Мальвина, попавшие мне на пути, когда я шел домой, поспешили отвернуться и сделать вид, что никогда не знали длинноносого нескладного мальчишку в арестантской робе. Потом оказалось, что я шел домой напрасно. Никакого дома у меня не было. Карло давно уже пропил нашу

каморку. И я не знал, как быть дальше, что делать, куда идти. Но я продолжал верить в тебя и поэтому улыбался, глядя в глаза ласковым звездам, нависающим над городом. Я верил, что ты будешь со мной и защитишь меня, где бы я ни оказался.

И тогда я отправился на Поле Чудес, посмотреть, как поживает мое денежное дерево. Я шагал по пыльной дороге, и ветер ерошил стружку на моей голове, как когда-то, в старые добрые времена. И я радовался ночи, и этому ветру, и тому, что, не смотря ни на что – остался самим собой.

Я пришел на Поле Чудес и катался по траве, наслаждаясь своей свободой. Я лежал, раскинув руки, и смотрел в бездонное бархатное небо, так похожее на занавес на занавес в нашем театре. И мне казалось, что я вижу не звезды, а глаза доброго сказочника, когда-то подарившего мне жизнь.

Потом я поднялся и увидел свое дерево. За эти годы оно стало огромным. Дерево стояло и шелестело, словно узнавая и приветствуя меня. Иногда, под порывами ветра, с ветвей срывались желтые круглые листья, так похожие на золотые монетки. Они кружились в воздухе и медленно падали в мои ладони.

А потом пришли они. Лиса Алиса и Кот Базилио. С тех пор, когда мы виделись в последний раз, они сильно изменились, стали намного старше и опытнее. Сначала я даже не понял, кто это, разглядев только полицейскую форму. Алиса ухмыльнулась (надо сказать, что лисья ухмылка у нее осталась прежней, только зубы заметно отросли) и сказала Базилио: «Товарищ полковник, не кажется ли вам, что это наш знакомый арестант откинулся и пошел по местам своих старых преступлений?..». «Кажется, Алиса Патрикеевна» – прищурился Кот и лениво почесал изрядно расплывшее брюшко, на котором едва сходилась мундир. «А вот мы сейчас у него справку об освобождении проверим. Вдруг сбежал?». С этими словами они, не торопясь, поглощая собой неизбежность заслуженного наказания, стали подходить ко мне. И тогда я понял, что не могу двинуться с места, не могу сопротивляться, как раньше. Просто стоял и смотрел, как они идут.

А.: Но ты ведь мог сказать, крикнуть мне...

Б.: О чем?

А.: О том, как тебе плохо и страшно.

Б.: Ты думаешь, этого не было?.. Я кричал, звал тебя на помощь. Но ты снова не услышал. Ответом мне было лишь молчание ночного неба, разбавленное шелестом монеток-листьев.

А.: И что было потом?

Б.: Потом они долго били меня ногами, а я все время старался повернуться так, чтобы видеть небо... Ведь я верил в тебя, верил, что ты меня не оставишь. А после, когда устали бить, они достали из карманов молоток и гвозди, и приколотили меня к дереву. И ушли... Тогда я впервые понял, что остался совсем один. Желтые монетки падали на мое лицо и прилипали к нему. Потому что оно было мокрым от утренней росы. Ведь деревянные мальчишки не умеют плакать, не так ли?..

Через три дня Алиса и Базилио вернулись с инструментами и распилили меня на доски. И отвезли на ближайшую стройбазу. Дескать, хоть раз послужи для общественной пользы Там я долго пылился на складе. А потом пришел заказ на гроб. Так я оказался здесь.

Автор долго сидел, обхватив голову руками, и молчал. Потому что не знал, что тут можно сказать. Потом поднял на Буратино взгляд, тот самый, которого деревянный ребенок так долго и безнадежно ждал – усталый ласковый взгляд доброго старого сказочника. «Прости меня, если сможешь, малыш...» – прошептал он. Но Буратино молчал. Доска в руке Автора была мертва. А в голове почему-то снова и снова крутилась детская считалка: «А и Б сидели на трубе. А упало. Б пропало. Что осталось...»

Автор всматривался в светящееся утреннее небо с надеждой и мольбой. Но глаза застигала дрожащая пелена. И лишь за секунду перед тем, как темнота окончательно объяла его, он ясно разглядел идущего вверх по дороге мальчишку в смешном полосатом колпачке. Слово вспоминая о чем-то, тот обернулся, посмотрел на Автора открытым смелым взглядом, и едва заметно улыбнулся. В руках у него была азбука...

ИВАН КРОТОВ, г. Гулькевичи

Сумерки в Красном лесу

«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу»...
(Данте)

Грязные лохмотья и вырванные провода свисают над Клоакой, словно выданные внутренности. Ржавые трубы походят на кости мертвецов. Но кого это волнует? Никто и не почувствует, чтобы испривить разрушенное. Всем наплевать на состояние труб, завода и самого города. В перерывах между обеденным перерывом и концом смены, рабочие летачат самым действенным и привычным средством: алкоголем. Начальство закрывает на это глаза – отчасти, потому что ему тоже все равно, отчасти потому, что здесь, над самой рекой, без маски или выпивки находиться невозможно. А в маске можно задохнуться за целый день. Старый заводской корпус с выбитыми стеклами заполнен тяжелым запахом, словно банка клеём. Пахнет как на скотобойне – запах реки способен свести с ума кого угодно.

Солнце почти не заглядывает в ущелье с Клоакой. Световой день короток. Конечно, в Красном лесу, что начинается сразу за заводом, всегда что-нибудь светится – если не грибы, так глаза хищников, – но, по доброй воле, туда никто не пойдет: страшен этот лес и чужд человеку. Каких только ужасов про него не рассказывают! И о зарослях хищных растений, способных выпить зазевавшегося путника; о странном, сводящем с ума шепоте, слышимом в безветренную погоду, о червях, плюющих ядом. И просто о колючке, на которую если наступили, то все – прощай, нога. Единственная целая постройка на заводе – это забор, отделяющий его территорию от леса. Благо ущелье узкое, а забор – крепкий. Лесные твари тоже не любят людей и тот беспорядок, что они привносят повсюду.

Середина недели, начало месяца. Производство сепулек еле теплится, склады завалены продукцией. Можно расслабиться и ничего не делать. Трое сидят в углу цеха, пытаются забыть за игрой в карты, пока все забыли о них. Неструганные доски от упаковочных ящиков служат им столом. Азартно брошенные карты подпрыгивают над розовой поверхностью. Но карты – ерунда. Главное – не пролить пиво. При здешней низкой тяжести оно так и норовит выпрыгнуть из кружки. Особенно, когда уже принятое вызывает некоторую расслабленность в руках. Но для того и существуют разные хитрости – трубочки, колпачки.

– Унтер! – кричит один рабочий, кидая карту в общую кучу.
– Обер, – спокойно отвечает другой, успевая сделать глоток.
– Беру, – вздыхает третий.

И тут они замечают щегольски одетого человека, стоящего над ними.

– О, Валерьен! А что это ты не на работе?
– Все, парни, я увольняюсь, – гордо отвечает Валерьен.
– Вот чудак! А жить на что будешь, лопни твоя сепулька? – качает головой старый рабочий.
– Да что: мир клином сошелся на этом заводе? – злится Валерьен. – Вот возьму, и уеду отсюда.
– Куда ж ты уедешь! – смеются рабочие. – Назад? Так там еще хуже. В другое ущелье? Но там не лучше, чем

здесь.

Валерьен пожимает плечами.

– Ты случайно не Картину нашел? – спросили его.
– Он раскрыл секрет сепульки, – съязвил молодой игрок.

И быстро пересел на другое место, уклоняясь от подзатыльника. Рабочие дружно жаловались. Все знали, что Валерьен большой любитель таинственного. Он работал на утилизации и многие из этих сплюснутых механизмов разобрал по винтику и рассмотрел в лупу. Правда, далеко так и не продвинулся.

– Ну-ну, острийте, сколько хотите, – холодно отозвался Валерьен.

И пошел прочь.

– День сегодня мравный. Посетителей – сам видишь: три калеки, да скиталец. Хоть с тобой поболтать.

– Что? Да, жил тут когда-то один малый, писавший картины. Звали его Ван Гулик. Никто не мог так передать всю безнадежность этого места...

– Подожди, я отнесу заказ тому столику.

– Так вот, умер он совсем не гениально: задохнулся от приступа астмы. Сам знаешь, наверху вечно не хватает воздуха.

– Да, ты прав: наверно, у них, у художников, так и положено – умирать в нищете. Зато потом его картины стали стоить бешеных денег. Вот только все они прокляты: кто на них долго посмотрит – вскоре умрет. Пару лет назад хозяин завода купил его очередной шедевр – «Сумерки в Красном лесу» и что ты думаешь? – скончался от сердечного приступа, хотя отличался отменным здоровьем.

– Нет, не домостроительного: завода сепулек.

– Что? Надо музыку прикрутить, а то ничего не слышно...

– Вот, так лучше. О Картине мы узнали только потому, что ее украли. Один из воров при этом упал и разбился, но смог рассказать полиции о втором, сбжавшем с краденым. Когда копы нашли другого вора, тот уже не дышал, застряв в проволочной петле. Картины при нем не было. Тогда-то народ и смекнул – что к чему. И теперь весь город ищет злосчастный шедевр Ван Гулика. Потому что все хотят разбогатеть и ничего не делать.

– А, вот и ты, Валерьен! Ты чего так рано: никак Картину нашел?! Как обычно?

– Ну, не сердись, мы не сговаривались, честно! Просто говорили о Ней.

– Хорошо, двойной, так двойной. Платишь сразу или записать под зарплату?

– О! Да ты сегодня при деньгах. Все, молчу, молчу.

– Нового? Вон в Клоаке достига семи баллов по Лузену. На завтра грозят закрыть школу.

– А то! В такие дни лучше сидеть дома.

– Ладно, ты пока пообщайся со скитальцем, а то к нам еще люди пришли.

***

Легкая тень бежит по улице – тень от птицы. Здешние, большие и угловатые, птицы походят на крыло дельтаплана. Они нечестные гости над ущельем. Воздух наверху так редок, что вообще непонятно, как они летят. А может, это и не птицы. Но от них хоть вреда нет. Далекие птицы считаются в Клоаке вестниками удачи. И – смерти.

Еще реже, чем появляются птицы, небо над Клоакой темнеет и начинается песчаная буря. Буря – это тяжело, но хотя бы после нее воняет меньше.

***

Жизнь есть сон – печальный сон. Нигде это не понимаешь так хорошо, как в маленьком городке, спрятанном в узком ущелье вдоль вонючей реки, когда он задыхается от жары... Госпожа Сенна потеряла виски и понохала соль в баночке. Духота стала невыносимой. Вентилятор только лениво перемалывал ее в густую смесь, словно мясорубка. Сенна уже три дня не видела Валерьяна и сейчас испытывала глухое отчаяние. Когда он приходил к ней, в управе была важная встреча – приехали чужие подписывать новый договор на поставку сепулек. Все упыри-администраторы стояли на ушах и ей даже не сказали о его визите. Зная вспыльчивый и гордый характер парня, Сенна боялась, что он все понял неправильно. Что затаил обиду.

Она не находила себе места и ничего не могла поделать. Три дня проводила время с опостылевшим мужем, пока он не уехал в свой дурацкий клуб. Как автомат отвечала на вопросы окружающих, ходила по дому, что-то делала.

Потом, когда муж уехал, она смогла дать волю своему отчаянию: одев любимый синий халат, Сенна целый день курила кальян и не могла забыть. Радио что-то говорило, но она не различала слов. Брала с полки книги и начинала читать, но, прочтя не больше полстраницы, бросала их на пол. Переходила с одной стороны ущелья на другую. Как и у многих состоятельных людей, дом ее мужа, словно мостик, соединял оба берега – ущелье было не широко. Окутанная розовыми клубами дыма, Сенна привидением бродила по дому. Собственное тело от жары казалось нечестным и старым.

В спальне она надолго замерла, уставившись на висевшую там картину. Небольшая картина в розоватых тонах, чудесно контрастировавшая с обоями, изображала даму с зонтиком, одиноко гуляющую по парку. Сегодня полотно чем-то беспокоило хозяйку: Сенна так и этак его переворачивала и рассматривала, словно пытаясь что-то вспомнить. Подпись автора, сделанная удивительно низко, скрывая широкий багет. Ломая ногти и сбивая куски позолоты, Сенна сумела кухонным ножом отодрать рамку, обнаружив за ней ненавистное имя, приносящее горе владельцам: Ван Гулик. Картина называлась: «Несчастлива в любви». Женщину как током ударило – она села на пол и заплакала.

Валерьен злился, что не смог повидаться с любовницей. Деньги, выигранные в карты, стремительно таяли. Если ему повезет с этой чертовой картиной – на все будет плевать. А если не повезет? Неизвестность мучила, а все, что он мог – это сидеть в баре и напиваться.

– Почему бы вам не спросить его самого об этом? – сказал странный незнакомец.

– Кого? – попытался сосредоточиться Валерьен. – Ван Гулика? Он же помер давно.

– С чего это ты взял, что я умер? – раздался за плечом ворчливый голос.

Дальнейшее Валерьен помнил смутно. А если честно, то не помнил совсем. Вроде бы он до чертиков надрался с Гуликом, и тот обещал показать, где хранится картина.

Из крана текла ржавая вода. Валерьен набрал ковшик воды из ведра, где та отстаивалась, жадно выпил. Голова болела – здесь, в ущелье, она болит почти постоянно, даже если не напиваться. А если не напиваться, то становится совсем тошно.

Говорят, Ван Гулик ненавидел людей, считая своих соплеменников ошибкой природы. Он был одним из немногих, кто не боялся ходить в Красный лес. Правда, только с ружьем и ненадолго. Но многие верили, что он заключил сделку с демонами леса и те его не трогали. На что он жил, было непонятно, потому что картины покупали редко, а сам он целыми днями слонялся по городу или лесу; а то и просто сидел у себя в каморке, уставившись на стену. Валерьен чувствовал, что сам становится похож на Ван Гулика – преисполненный надежд неудачник без гроша в кармане.

Ночь была душной, не спалось. Под утро Валерьен ненадолго задремал, и ему приснилась Сенна. Молодая и задорная девушка вела его по какому-то лабиринту. Восхищенный, любовник все пытался остановить подружку, чтобы заняться делом, но она торопила его вперед, отнекивалась, а потом и вовсе убежала, одарив только легким поцелуем. «Ищи его в преисподней!» – крикнула Сенна на прощание. Валерьен чувствовал в ее словах что-то важное, но не мог понять – что.

– Ты уже видел чужих? Нет? Ну да, они у нас не частые гости.

– Да ничего особенного, выглядят как люди, но сразу видно, что – чужие.

– Да, и сердце у них не с той стороны, и уши острые. А речь, так вообще дикая: то щелчки, то – свист. Ведут себя вежливо – со всеми здороваются, зубы остренькие скалят. Мы их не любим, но стараемся не раздражать. А что делать? Они нас сюда пустили, да и работу подбрасывают. Недаром ходят, увешанные сепульками, словно рождественские елки.

– Нет, никто так и не понял, зачем им нужны эти сепульки. А спросить неудобно. Покупают – и то хорошо. Похоже, им нравится, как люди украшают изделия фигурными накладками и ажурной росписью.

– Да уж! Нет в городе такого человека, который бы не ломал голову над предназначением сепулек.

– Ага, и я тоже.

– Нет, не понял. А то бы здесь не работал.

– Вот, смотри, они походят на зажималки, но не дают огня; выглядят как авторучки, но не оставляют следа. У них есть верх и низ, колесо и пружинка, штырек и две части, соединенные кольцом с резьбой. Колесико крутится, штырек ходит туда-сюда, половинки отщелкиваются, но какой в этом заложен практический смысл – непонятно. Ну что, умник, есть идеи?

– Лет то-то и оно, что надо подумать. Лет так десять подумать.

– Да я не сержусь, просто всем приезжим кажется, что это ерунда и никто еще не нашел решения.

– Ну, хозяйва просто прислали на завод чертежи и скупое описание сборки готовых изделий. Из-за этого о применении сепулек ходят самые причудливые легенды. Возможно, считают применение сепулек слишком очевидным, чтобы о нем говорить, а может, у них табу на эту тему.

«Сегодня я узнаю тайну, которая изменит всю мою жизнь» – думал Валерьян.

Перегонный куб серой громадой возвышался над рекой. Он был построен в пустынном боковом ущелье – Закуте. Там не было ни леса, ни домов, но тек ручей, снабжавший город относительно чистой водой. Закут урде бы был в городе, а вроде – и вне его. Десять минут ходьбы от северного берега Клоаки, и вы оказываетесь на пустыре.

Место вокруг куба, да и сам куб, большую часть времени стоявший пустым, использовали парочки для свиданий, да немногочисленные скитальцы. Каменные стены Закута испещрены банальными надписями об отношениях между полами: от нежно-романтических, до брутальных. Пожалуй, последних больше. Травянистые заросли полны мелким мусором и следами псиделок. Два больших, но неглубоких колодца, заполненных мусором – вот и вся романтика. Надо всем этим заброшенным местом доминировал куб: большой, серый, условно работающий. «Инферно» – размашисто написал кто-то на стене куба.

Он постоянно гудел и был покрыт дымкой пара. Говорили, что куб сгущает время, обеспечивая город энергией. Сначала этого боялись, а потом привыкли: по большому счету, время мало кому нужно – людям не хватает воздуха, денег, простора. А время – какая от него польза?

Посещать цех по сгущению запрещено, поэтому он служит популярным местом для встреч. Вот и сегодня трое сошлись на верхней площадке. Двое похожи как близнецы. И даже больше.

– Здравствуй, Валерьян, – прозвучало в унисон.

Секундой позже оба упали.

– Экие мы нежные, – пробормотал Ван Гулик, пристраивая обои к стенке.

Художник сделал большой глоток и посмотрел на собеседников мутно-доброжелательными глазами:

– Ты точно хочешь узнать, где лежит эта чертова картина? Ох и достала же она меня!

– Ну, да, – Валерьяны нетвердо кивнули головами.

– Тогда пошли, – Ван Гулик допил огненную воду и бросил бутылку в куб, туда, где клубились не то – испарения, не то – времена.

По мере того, как они спускались вниз, фигура провожатого становилась все прозрачней и призрачней. В какой-то момент Валерьян обнаружил себя, уже в единственном числе, стоящим в заброшенной щитовой. Кажется, он пытался понять: какого рожна здесь делает? Помещение давно превратилось в склад поломанного оборудования и мебели. Везде были столетняя пыль и мусор. В изнеможении Валерьян опустился на пол, прислонившись к какому-то железному шкафу, и забылся. Очнувшись, он почувствовал, что некий предмет упирается ему в спину. Из-за шкафа выступал угол чего-то прямоугольного. Валерьян неосознанно потащил предмет на себя.

Это был большой прямоугольный сверток, плоский и широкий, аккуратно упакованный в холстину, а сверху были набросаны грязные мешки и бумага. Обобрав внешний мусор, Валерьян сразу понял, ЧТО он нашел. Он попытался вытащить свою находку из щитовой, но неожиданно понял, что одному сделать это будет непросто: картина была большой и неудобной, а помещение жутко захламлено. Валерьян затолкал картину обратно и выбрался наружу, лихорадочно соображая, кого можно позвать на помощь. Он уже направился в сторону города, когда столкнулся со скитальцем, с которым недавно общался в баре. Скиталец не спеша брел, что-то бормоча себе под нос. Валерьян обрадовался ему, словно старому знакомому.

– Дружище! Вы не можете мне перетаскать одну вещь? Я заплачу.

– Отчего же не помочь доброму человеку?

Они взялись за углы, словно несли носилки и пошли. Небо было сумрачно, жестокий ветер пытался вырвать картину из их рук.

– Клоака, так мы называем красновато-грязный поток, пробегающий по дну ущелья. Но вы не найдете ни одного указателя с названием: официально он никак не называется. Так же, как и город.

– Да, милое местечко, когда поток мельчает и вонь от него не так сильна. Или, если вы – беженец.

– Внизу постоянная вонь; сверху мало воздуха. Пытаемся усидеть между двух зол... Половина городка скрывается в пещерах, выдолбленных в стенах ущелья.

– Я так понимаю, вы – Оттуда? Ну и как там... сейчас?

– Нет, новости до нас доходят редко. В основном, с беженцами. А их становится все меньше.

– Вот как?! Ну что ж, наверно этого и следовало ожидать.

– Да, сразу заметно: у нас тут сила тяжести меньше, и сначала все двигаются довольно комично.

– Ничего, привыкнете, деваться все равно больше некуда.

– Посетителей мало, а закрывать погребок тоже смысла нет: чем еще тут заниматься? Так и живем, обходя сами не зная чего.

***

Рыбак в помятой шляпе кукует над мутной водой, пытаясь вытащить добычу из дополнительного измерения. Несмотря на грязную воду, в ней водятся вкусные твари, похожие не то – на червей, не то – на змей. Люди привычно зовут их «кургями». Зубы у тварей скорее как у змей: стоит зазеваться и проворный урюк оттяпает пальцы незадачливому ловцу. Ловят их на метафизическую наживку, насаживая на крючки и закорючки живые слова. Слова вяло шевелятся на воздухе. Зато, попав в Клоаку, начинают неистово биться, привлекая добычу.

Но сейчас рыбаку не повезло: сорвавшись с крючка красноватый угорь на глазах уходил, ввинчиваясь в подпространство. Рыбак подумал и начал сворачивать удочки – все равно начинался дождь.

Дожди в Клоаке редки и столь же ужасны, как и все остальное. Грязный, теплый поток поливает пустой город – на улицах нет никого. Да и то сказать, кривые и короткие улочки городка превращаются в красноватые лужи. Мало кто хочет портить обувь в этой едкой жиже.

***

– Скорее, идемте смотреть, как пала госпожа Сенна!

– Ах, не спрашивайте: ее бросил молодой любовник.

– Да, какое-никакое, а в наших местах событие. Теперь несколько недель все будут говорить о ней.

– Вам не больно? – спросил кто-то любопытствующий из толпы.

– Разве это боль? – ответила она самой себе. – Разве это жизнь?

«Зачем мне эта отвисялая грудь, если она не привлекает его?» – подумала Сенна и оторвала себе грудь, когда-то восхищавшую многих мужчин. Ей не было больно – она даже испытала некоторое облегчение. «Зачем мне эти блеклые глаза, если они все равно не могут его видеть?» – и она вырвала глаза. «Зачем мне эти веки, если из-под них летят столько слез?» – и она вырвала веки. «Зачем мне уши, если не могут слышать ласковые слова?».

Она уже ничего не видела и не слышала. Понемногу печальные мысли стали таять в тишине, окружившей Сенну. Она владыла в забытьи, но еще одна тоненькая ниточка продолжала связывать ту, что была «госпожой Сенной» с этой жестокой жизнью. Нужно было сделать последнее движение – легкий взмах ножниц, чтобы оборвать эту последнюю ниточку. И она подняла руку.

Еще не старая женщина, вполне приличная с виду, была отвратительно пьяна – запах алкоголя мог свалить с ног неосторожного наблюдателя. Она лежала в гостиничном коридоре посреди лужи собственных нечистот и стонала во сне. Никто не пытался ей помочь – одни из презрения, другие – из сострадания. Муж уехал подальше от позора, прихватив с собой детей. А тот, из-за кого все это было сделано, пришел слишком поздно.

– И не говорите: чудная тетка! Неужели не могла найти себе другого?

Половинки дорогого халата раскинулись вокруг нее, словно крылья бабочки. Сенне снилось, что она окуливается, чтобы покинуть этот печальный мир...

– Дружище, вы уверены, что вам нужна эта чертова картина?

– Верите в мистику? – Валерьян пожал плечами.

– Дело не в мистике; произведения искусства так сильно воздействуют на нас, что иногда человек сходит с ума. Известно немало случаев, когда люди под воздействием прочитанного или увиденного совершали странные поступки: убийства и самоубийства, бунты...

– Да ладно, я только взглянул на нее разок... и вообще, все эти легенды сильно преувеличены.

– Ну, как хотите, – Скиталец взял деньги и поспешил покинуть квартиру Валерьяна.

Оставшись один, тот аккуратно распаковал картину, оставив только последнюю холстину. Потом плеснул себе кислоты и, сдернув покрывало, сел в кресло. Первое время ничего не происходило, и он успел дважды обновить стакан с выпивкой. Усталость волной накатилась на него – столько хлопот случилось за последние дни... А картина действительно была хороша: по мере того, как он смотрел на нее, она словно оживала.

Глядя на картину, Валерьян словно бы задремал. Он очнулся от резкого сквозняка и вдруг понял, что ветер вырывается из картины. Что-то страшное почудилось ему в этом пейзаже.

Он смотрел на картину, с ужасом осознавая, что не может отвести от нее взгляд. А картина медленно и неутомимо менялась, словно оживая на глазах: то зашелестят деревья без ветра; то гаркнет птица. А вот, перебегая за деревьями, появилась какая-то нехорошая тень. Тело его словно оцепенело – Валерьян не мог ни встать, ни отвести взгляда, хотя понимал, что смотреть на нее нельзя...

«Однако, как бы самому не стать наживкой» – тихо подумал Скиталец. Он покачал головой и открыл дверь в Сиреневую свежесть.

Нищий у ворот

Скиталец сидел у ворот с чашкой для подаяния. Утро было солнечным и свежим. Монетки мелодично звякали, падая в чашку. С утра через Голубые ворота проходит немало людей. Вот торопится на рынок крестьянин-Скиталец; а там – задумчивый Скиталец в шапочке ученого. Зевающий школяр, выбравшись на улицу из своей каморки, глянул в серебристую лужу под ногами и увидел там Скитальца. Важного вида Скиталец с суровым взглядом – не иначе, чиновник, на миг остановился возле нищего и, не глядя вниз, бросил в чашку монету большого достоинства. Наверно просил у судьбы благословения на доброе дело.

А вот Скиталец, работающий стражником, опершись на копые, внимательно и спокойно всматривается в толпу Скитальцев, спешащих в город по своим делам. Узкий мостик, сплетенный из прочных лиан и досок, висит над пропастью, заполненной клубящимся туманом. Каждый проходящий по мосту Скиталец считает своим долгом сплунуть в пропасть, прежде чем войти в город...

Толпы Скитальцев этим утром заполнили город. «Надо же!» – улыбнулся слепой Скиталец, встряхивая чашку для подаяния: она была вся заполнена чем-то тяжелым...

Инквизиция ничего не оставляет без внимания.

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО, г. Краснодар**Правдивая история Ивана Костёркина**

Цветовой нашлапок, построение губ.

Няма – всему имеющему глаза мать, с ней играет мертвец, желающий быть живым – ледяной бог – хозяин материкового льда, от этого родится человек-олень. Вначале родилась травинка, затем Олень Земли Новой, затем люди, потом мышинный народ легкий, ушкан-заяц и чистое небо – мамонтов рог.

Эту историю мне рассказал шаман Иван Костёркин – любитель сыграть в шахматы и сыра с проседью. В 1926 г. он имел 150 оленей. В 1927 г. это был на вид крепкий и даже красивый человек с лицом, словно вышитым татуировками, но имевший одну странность: его глаза как будто не могли стоять на месте, зрачки все время плясали, словно языки пламени. От своих трех жен, живших вместе с ним, имел много детей. В 1937 г. подал заявление в партию, впоследствии был председателем Таймырского кочевого совета, а потом секретарем парторганизации колхоза. Умер весной 1953 г., был пышно похоронен своими многочисленными почитателями.

Вот его подлинная история. Далеко на севере растет лиственница с гнездами на ветвях. Сюда прилетает большая птица с железными грудями и сносит яйцо. Потом она высиживает яйцо, если должен выйти большой шаман – в продолжение трех лет, а маленького шаманчика, шаманенка – в течение года. Когда наш шаман вылупился, прилетел крылатый олень сизой масти и сел на его гнездо. Соски оленя как раз приходились ему в рот. Он стал сосать их, лежал так ровно три года, и чем больше пил шаман молоко, тем все меньше становилось его тело, пока, наконец, не стал он с грибок. Тогда мать-зверь стала тянуть его за уши – они вытянулись, стала тянуть за ноги – они выросли, только за... забыла потянуть, так и осталось маленьким.

И тут мир уронил шамана.

Долго болел он, теперь бабы и мужики меньше мошкары селятся в волосах шамана, пляшут – хвостиком машут, ручейки к небу поднимают. Духи – помощники шамана – кожаное ведро, крюк для котла, ночной горшок, люди-якоря с загнутыми в сторону ногами, человеческий сторож. Половина из них умирает вместе с ним, вещи покойного шамана ломают и дырявят – целая вещь явится в ином мире испорченной.

В диком пространстве шаман рождает щуку, засеивает реки рыбьей чешуей – все шесть зерен вынимает, семь семян берет рукою.

Весенней порой шаман оживляет свой бубен – возвращаются птицы.

Последняя история шамана, или Степная красавица

Она жила в доме-норе и носила юбку из колосков осоки. У нее была птица, но у птицы не было никого. (мышка)

Все

МАРИНА МАРТЫНОВА, г. Краснодар

На берегу

(Зарисовка)

Море. Немыслимо синее, каким оно бывает, наверно, только в Греции. Море лежало у ее ног, вокруг возвышались горы, берег состоял из валунов и крупной гальки. Чуть поодаль виднелись домики в окружении оливковых и фисташковых садов острова Эгины...

На нее нахлынуло смешанное ощущение свободы и бесприютности. Ничто не мешало ей просто остаться здесь жить. Ну пусть хоть на какое-то время. У этого моря, у этих скал, под этим ярким солнцем и ласковым ветерком. Но в тот же миг перед нею возникали сотни вопросов: где жить? как жить? на что жить? А главное – кому она тут нужна?

Подобное чувство мог, наверно, испытывать Христос – вечный странник в мире людей. Негде было ему приклонить голову. Владая целым миром, он не имел никакого имущества. Ибо пришел не брать, а отдавать.

Но, в отличие от Христа, ей нечего было дать этому миру. И, помедлив на берегу, она зашагала дальше, чтобы вернуться из этого рая на земле в свой маленький ад, к своей несвободе.

Ярко светило солнце.

ПОЛИНА ЖУКОВА, г. Краснодар

Диалоги

(Миниатюры)

Диалог не с самой собой №5

М: Пиньоль, я остыла, и сердце мое холодеет. А без любви я мертва – можешь класть меня в гроб.

В этот раз Пиньоль ничего не ответил.

Диалог не с самой собой №4

М: Пиньоль, ты когда-нибудь видел небо таким прозрачным? Я смотрю на него и мне кажется, будто плоть моя растворяется в нем и раскрывает миру все внутренности моего страдающего организма. Я словно смотрю обратно.

П: Спи, Маурэль, слишком долго шел дождь, ты привыкла к его призракам.

М: Я вижу свои черты. Я почти вся уже там, Пиньоль.

П: Ты здесь, ты со мной, я держу тебя за руку.

М: В воздухе так много рыб, Пиньоль, видно, ты поймал одну из них...

Диалог не с самой собой №3

П: Что ты делаешь, Маурэль?

М: Перебираю свою жизнь.

П: И потом из нее ты сварить мне кашу?

М: А ты не хочешь, Пиньоль? Ведь есть нам больше нечего.

Диалог не с самой собой №2

П: Маурэль, зачем ты подходишь к окну? Зачем тебе видеть ночь?

М: Я хочу ее знать, Пиньоль. Моя ночь меньше ночи мира, но она растет, и скоро ей перестанет хватать места. Они сольются. А мне не стать даже звездой. Я захожусь тьмой до того, как заколотят крышку моего гроба – это сделают уже без меня.

Я уже чувствую – как меня нет.

Диалог не с самой собой №1

П: Да, я не узнаю тебя. Я боюсь тебя, Маурэль...Вчера ты так долго оставалась в гостиной. Когда я пришел, я увидел тебя одну у зеркала. Ты пристально вглядывалась в него, будто пыталась рассмотреть в нем свою смерть.

М: Нет, Пиньоль!

П: Ты просидела у зеркала всю ночь!

М: Нет, Пиньоль! Как можешь ты так говорить, ведь я никогда не умру!

Манифесты

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, г. Краснодар

Нанотуризм

Дмитрий Быков написал о нанотуризме в своем «13-м апостоле»: «Последнего никогда не существовало, но все впереди» (*Быков Д.П. Тринадцатый апостол. Владимир Маяковский: трагедии буффа в шести действиях. М. 2016. С. 144*). И да, вот он – нанотуризм.

Это маленькие тексты, которым не нужны ни много писателей, ни много читателей. Коллективу выживания. Он нужен коллективу выживания, пока до десяти человек. Ходит казак Михайло Гетьманский по земле. С жинкой да пятью кумовьями. И нет больше ничего, ни мира, ни галактики, ни пути млечного. Михайло, жинка, кумовья. Да Бог Предвечный... Который есть там, где есть хоть один человек. И там, где нет никого...

И дай-то Бог, чтоб ничего не прилетело из тьмы пустой. Но тоже предвечной и плодоносной ... Увы... Короткие слова у немногих людей. Обломки нецеловших миров и комет. Тащим что пригодно в наш хомячатник. Обломки разбитых обелисков и обгоревших книг с прочей мелочью. Лишнее же выбросим во тьму внешнюю. И что хватаем, если норку подтопит? Бог весть...

Малые тексты, стихи, проза и что угодно. Но удобное, как малый прибор, уместающийся в сумке и не тяжелый.. Хочется небольшое, что можно было пробормотать под подушкой и заснуть. Вот как нашенский хайку – верлибр или международное хайку.

Концепция

Нанотуризм – искусство для коллектива выживания. Небольшой группы близких друг – другу людей, заинтересованных в поддержке друг друга. Объединенных по разному принципу, но главное, готовых помогать друг другу.

Нанотуризм – это не литературное направление, а стиль жизни, охватывающий и ремесло, технику, вещи. Им нужны небольшие удобные вещи и короткие емкие слова. И вещей, и слов не будет слишком много. Это то, что можно будет носить и возить с собой при переменах. Не только физически, но духовно.

Те же легкие, компактные мобильные технические устройства, но без перегрузки ненужными функциями. Легкие куртки с подстежками на пуговицах и капюшонами. Короткие стихи и афоризмы. Небольшая книга, состоящая из коротких и емких разделов. Подобная хорошо сделанному справочнику или «Псалтири». Которую можно раз за разом читать и перечитывать. С начала, конца или середины. И которая не перестанет быть важной и нужной.

Краткие стихи всех членов коллектива, которые уместаются на одном листе. К нему можно прикрепить листок стихов избранных гостей.

Афоризмы, из которых все ясно без длинных наставлений и переговоров. И совсем немного большого и емкого, общего для всех. Автомобиль, палатка или дом, куда могут поместиться все сразу. Эпос или священная книга.

Нанотуризм и культурное наследие: рюкзаки и грузовички

Сбрасывать что-либо с электромобиля современности глупо. Пригодиться могут самые неожиданные вещи. Причем разные – разным людям. Все знают эти городские рюкзаки, популярные у современных людей. Представим, что десять человек с такими рюкзаками придут в помещение, заполненное разнообразными артефактами. Они наберут разных вещей и уйдут, набив рюкзаки. А может приехать человек на грузовичке и увезет все остальное. И совсем в другом направлении...

Нанотуризм состоит из живых вселенных – кубиков, которые могут сходиться в каком-либо «этнофутуризме», а потом разбежаться вновь...

Творчество Ирины Мартусенко (Гаркуши) – совершенное воплощение нанотуризма

Возьмем серию цветных линогравюр, посвященных жизни Ивана Костеркина, советского человека. Папка с линогравюрами невелика, но вместительна. Ее легко носить в рюкзаке или сумке. Открыв, удобно перелистывать справа налево и слева направо.

Линогравюры впечатляют и при беглом осмотре, и при неторопливой медитации, при неспешном ожидании. Каждое изображение – отдельный мир, сдержанный и до конца непознаваемый. Корень для тысяч смыслов, готовых развернуться неожиданными воплощениями, но пока тихо созерцающими себя и друг друга.

А серия линогравюр – серия разных, но родных друг другу миров. Они, будто планеты одной звезды или дети в многодетной семье...

Поэзия

АНДРЕЙ НАСОНОВ, г. Краснодар

***

...как бычок на камнях при сильном течении
растопыря плавник цепляясь за каждый выступ –
и сам как выступ мне только б выстоять –
почерневший от времени обугленная головешка –
провожаю глазами безвольный планктон
но иногда мне кажется что это он не подвижен
а я лечу лечу сквозь микроскопический космос
сквозь мириады мириад рябит в глазах
на самую маленькую звезду в ближайшей звездной системе
становясь все меньше а свет все больше...

***

Наступайка Весна, попугайка Зимы
починяй свою примулу, приходи поскорей
надоела уже подаждайка Зима
что без снега стоит только грязницу месит
подгоняй-ка листву что заспалаась уже
выгоняй-ка траву из пуховых глубин
заводи керогаз разжигай горячей
на припеке твоём разомлеть подсоби

***

тощий осенний дощ
кашеевы рощи
чахнут над зпатоом
листвы курой попавшей в ощип
кажутся наши мечты
в мятом билете посеребренном
сложена скука восьмого маршрута
бревнам уютно ложится
за поворотом трамвайным стуком
в предощущенье печной весны

***

Кончилась моя
уже и так зятянувшаяся
зеленая тетрадь с надписью Time
Этот таймер с белыми листами
после которого я должен был
взорваться новыми стихами,
но время
кончилось еще раньше
стихов
в детстве,
когда мамин окрик
прервал рассматривание жука.
Теперь один сплошной дедлайн
И после стольких тайн
полустертая надпись
Time

АЛЕКСАНДР ГУСЕВ, г. Краснодар
«После последних известий окна темнеют»
(Ричард Уилбер)

время закончилось
а слово вечность еще
не сложилось
репрессивность повторения
опыта конь ходит
буквой г один человек
нейтральный элемент
умножения
бытие и сознание
в преступлении
текст развернулся в воздухе
на 90 градусов
возможно его угнали
или автор что-то хотел сказать
нельзя привести цитату 140
символов мандарины
будут дешевле в новом
сезоне в новом завете
цен

Память

АЛЕКСЕЙ ПЕРЕДЕРЕЕВ (Арекуши – сан Эхенеро)

Щупальца вечного лета
(*муиси – белые стихи*)
Оформление Ихара Ахенеро
Обложка Кацусика Хокусая
Издательский дом «Епонаматэ».
Россия – Япония.

Гейша

Сику 1.
Луна скрылась за тучей,
Гейша* пришла к самураю*.
Скинула она кимоно*,
Лучше бы солнце светило.

Сику 2.
Заблудились звуки страсти
В буре шторма за окном,
И умолк голос юдзэ*...
Шторм, ревня, продолжался.

Сику 3.
Майко* долго искала себе покровителя,
Чтобы быть уже гейшей.
Но никто не хотел с ней мидзугаэ*.
Потому, что рыдали, увидев ее...

Сику 4.
В лунном, бледном свете ночи
Биги* вдохновляла самурая.
В речной глади отражались их утечи.
А русалки лишь смотрели на все это...

Сику 5.
Напрасно старалась окейи*.
Гейша, была просто глупа.
И кому она будет нужна? Кракenu.
Над морем долго порхало хомонги*.

Сику 6.
Он коршуном набросился из темноты.
На ходу развязывая пояс кимоно.
Но не понял юный самурай
Что не гейша перед ним, а юдзэ.

Сику 7.
Сражаться с Кракеном ушел самурай.
И был он удал и проворен.
Но щупальца тако* сильней оказались,
Теперь лишь мофуку* удел его близких.

Сику 8.
Праздники прошли.
Секкаку* – дни, расплзлись по лету.
Гейша устало поет в тишине.

Вакагокэ – молодая вдова

Сику 9.
Долгим будет ее ожидание.
Сунадори* в море уплыл, за добычей.
Но не смог оиборэ* вернуться.
Крепки объятия Кракена...

Сику 10.
Рыбачка не долго страдала без мужа.
Кракен приплыл ее утешать.
И так умело предавались омоиау*,

Что кимоно раздувалось, как шар.

Сикю 11.
Придерживая огромный живот,
Вакагокэ* жаловалась знакомой,
На большую ветреность у моря.
И та сочувствовала ее мимоти*...

Сикю 12.
Все в жизни переменчиво.
Когда была айсай* – радовалась.
Вдруг стала итиядзума* – терпела.
И вот она байта* – бросилась в бурное море...

Сикю 13.
И поняв вдруг, что потерял сйфуку* он,
Стремглав бросается в пучину вод,
Чтобы спасти камисан* свою.
Но безмятежная пучина сокрыла лик его любимой.

Сикю 14.
Кракен безутешный украл двух отомэ*,
Днем они убажвали его пением и танцами.
Ночью утешали своими сочными мунати* и мата*.
Но он оставался несчастным...

Нофу – крестьянка

Сикю 15
Сажая на поле рис молодая нофу*
Так низко наклонялась.
Что кровь быстро ударила в голову,
Мимо проезжавшему сюдзо*...

Сикю 16
Было трудно сдержаться отомэ*
От увиденного поля кукурузы.
И схватив внушительный початок,
Погрузила с наслаждением в себя!

Сикю 17
Пришло время лета,
Но не рад был этому ойборэ*.
Потому, что не мог он любить нофу.
И даже байта напрасно старалась.

Сикю 18
Многих женщин повидал за свой век хирю*.
Были: биги*, итиядзумь* и нофу.
Но ничто не может сравниться,
С длинным щупальцем в комонэ* старца.

Сикю финальная
Долгий путь пройден, на закате солнце.
Тяжела охота была на Кракена.
Но теперь тако повержен.
Сяду отдохну немного...

*Словарик:

Айсай – любимая жена;
Байта – шлюха.
Биги – красивая гейша, красавица.
Вакагокэ – молодая вдова;
Гейша – артистка.
Данно – покровитель и меценат для гейши;
Дзори – обувь служанки;
Итиядзума – жена на одну ночь (проститутка);
Камисан – жена;
Кимоно – одежда, мужская и женская.
Комон(э) – в анус, задний проход.

Майко – начинающая гейша.
Мата – бедра, промежность;
Мидзуагэ – церемония лишения девственности. Проводится у гейш достигших 18 лет.
Мимоти – беременность, забеременеть;
Мофуку – одежда для похорон. Полностью черное кимоно, в которое одеваются родные и близкие умершего.
Мунси – белый стих.
Мунати – женские груди;
Нофу – крестьянка;
Ои – старик.
Ойборэ – старик, старая развалина;
Окейя – старшая гейша, обучает различным видам искусства: танцам, пению, музыке, живописи, так же искусству ведению беседы, наносить грим и надевать кимоно.
Окобо – обувь гейши;
Омоиау – любить друг друга.
Отомэ – молодая девушка;
Самурай – воин, принадлежащий к воинской династии.
Секкаку – щупальца, усики, отростки.
Сикю – стих, строфа.
Сйфуку – высшее счастье, блаженство.
Сунадори – рыбак, рыбная ловля;
Сюдзо – винодел, изготовитель сакаэ;
Тако – осьминог, молодой Кракен.
Хирю – просвещенный монарх, летающий дракон.
Хомонги – одежда для приемов. Носят его как замужние, так и незамужние женщины.
Юдэе – куртизанка, проститутка. Отличительный признак – это узел пояса у гейши, множественный сзади кимоно.
У куртизанки узел спереди, обычный.

Переводы

КОСМОС КОРОЛЕВСКИЙ, г. Москва

Круглая Книга

Есть три вещи.

Есть Бытие, Есть Слово, Есть Я (Ты).

Бытие – То, Что Есть.

И То Что Есть, прежде не Было.

Ибо чтоб Быть, прежде нужно Не Быть.

Ибо не Становится, То Что Уже Есть, ибо в этом нет необходимости, Но То Чего не Было.

И Было Оно Как Небытие, в отношении того, Что Стало.

И было Оно Вечно, Безмолвно, Неподвижно и Едино.

И из Него Стало То Что Было Иным.

И Стало Вечное Временным, Безмолвное Словом, Неподвижное Изменчивым, Единое Не Единым.

И Стало Быть – Временным Бесконечно, Словом Во Всем, Изменчивым Неизменно, Единым и Не Единым, но

Первым, Вторым, Третьим (Бесконечным).

И это То Что Есть.

И это Отец Бытие.

И это Благо.

И То Что Есть, есть Словом, есть Мною (Тобой).

И Они Одно.

И это Бог.

Время – Единое.

Перевод с русского на Арахау **ИВАН КАРСЕВ**, г. Краснодар

Izalgalark

Hargualus.

Gus, Nrapl, Ta (Sa).

Gusus: ogalcus.

Cogalcus, holuslob.

Zodo: houlsusorsus.

Zodolana, ogalcmús, zodolusgoulsposh, nogoluu.

CohuusorroGlus, hodogalcus.

Ohuusblamor, nraplgois, blajar ocargeir.

Cozurstbor, nrapltgois, blajatnar, argeitlargeir.

Camolus – borobobzurs, nraplopopl, gajaganar, hotargeiclargeir; onalgarg, gha, gharg (gzurs).

Cohus – ogalcus.

CohusvadGus.

Cohusër.

Cogalcushusnrapl, Tusoh (Sa).

OohusArgeir.

CohusAnen.

BorhusArgeir.

Перевод на Арахау с украинского **ИВАН ЛЮБЧЕНКО**, г. Киев

Хотіла б я піснею стати

У сюю хвилину ясну

Щоб вільно по світу літати

Щоб вітер розносив луну.

(Пісня Українка)

Tjvaustgaras

Hopharkablodgëk

Horamagnalpez

Horûprâmmaonpravl.

* * *

Їхав козак за Дунай

Сказав дівчині: «Прощай!»

Ти, конику вороненький, скачи та гуляй!

Постій, постій, мій козаче

Твоя дівчина плаче:

«На кого ж ти покидаєш

Тільки подумай!»

(Володимир Зарков, Олександр Таранець)

Kozak'amanvlo'Dunaj

Srûsaj: Táfr

Susumum, hamancës

Hana, hana, ta'kozak

Sajfrazû

Kosanas?

Zas!

Гимн України

Ще не вмерли України ні слава, ні воля

Ще нам, браття українці, усміхнеться доля

Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці

Запануєм і ми браття, у своїй сторонці

Душу й тіло ми положим за нашу свободу

І покажем, що ми браття козацького роду

GarasgUkraina

OzuoconalGUkrainalmys

AaramGUkrain! Erdmëksaat

Ttakaazaluyrküzökef

Aara! Cottordpödaat

Ttajoiseracourborognalatt

Aara! Mplöfr: Ttusaca'kozak

Микола Вороний (1871-1938)

Перевел с украинского **ИВАН КАРАСЕВ**

Палимпсест

Когда в монастырях пергамента был брак,
 Послушники чернила соскребали,
 Чтоб написать поверх тропарь или кондак,
 И палимпсестом эту рукопись назвали.
 О, чудо! время шло – из текста Иоанна
 Сквозь буквы проступил вновь стих Аристофана.
 Любимая! Душа моя – тот палимпсест.
 Уже три года, как твой образ, сердцу милый,
 Улыбку светлую и голос твой, и жест –
 В душе я записал, встревоженный, счастливый...
 И выводи хоть век на нем свои писанья,
 Твой лик восстанет вновь. И с ним мои мечтанья.
 Одесса, в поезде, 1903 г.

Казачья баллада

Один – сам с собою
 Сидит над водою
 У берега синего моря
 Казак чернобровый
 Несчастный, суровый.
 Тоска его гложет и горе.
 В раздумьях глубоких
 Сидит кареюкий,
 Без чувств, наважденьем охвачен,
 А море грохочет,
 А море клокочет
 И будто тихонечко плачет.
 Вот стал вдруг ходить он
 И начал просить он
 У моря, рукой простирая:
 «Ой, море, ты, море,
 Развей мое горе», –
 Зовет он его и пытается.
 Нет дома-жилыя,
 И родная семья
 Меня, сколько помню, не знает.
 Как та я травинка,
 В степи сиротинка
 Один бобылем пропадаю.
 Судьба несчастлива
 И несправедлива
 Ко мне, а другой и не знаю.
 Напрасно блуждаю
 И все окликаю
 Я счастье и в поле, и в гае».
 Казак огорчился,
 К земле наклонился
 Он окаменел не иначе,
 А море пророчит,
 А море клокочет
 И будто вздыхает и плачет.
 «Чем беды растить мне
 Уж лучше не жить мне», –
 Он взором пучину ласкает:
 «Скорей на дне моря
 Позабудусь от горя
 Покой там меня ожидает!»
 И стиснувши руки,
 В неистой муче
 Он бросился в волны лихие.
 Они разошлись
 И снова сошлись,
 Сохрив казака, как в могиле.
 Меж тучек высоко
 Луна одинока,

Свет в сумерках вязких истрачен.

А море клокочет
 И вымолвить хочет,
 Но только тихонечко плачет.
 Анапа, 1895 г.

В Краснодарском краевом художественном музее имени Ф.А. Коваленко прошла выставка «Книга художника. От эстампа до арт-объекта. Мексика и Россия».

Это совместный проект двух стран, демонстрирующий возможности печатной графики и книги художника, своеобразного языка, на котором ведется диалог разных культур. В экспозиции - 76 произведений 91 автора из

собраний мастерской печатной графики факультета искусств университета мексиканского штата Мичоакан и кафедры графики Кубанского госуниверситета.

Среди этих работ есть и весьма необычные. Десять цветных линогравюр (такая сложнейшая техника сейчас почти не используется) составляют авторскую книгу. В ней – трогательная история жизни северного шамана, в которой реальность переплетается с вымыслом. Ее автор – член Союза художников России Ирина Мартусенко.

По словам Ирины, взяться за эту работу она решила, когда прочла рассказ своего супруга «Правдивая история Ивана Костёркина» (это произведение Александра Мартусенко мы публикуем на стр. 32).

Кандидат исторических наук, член Союза российских писателей Игорь Васильев посвятил ей свою работу, посвященную нано-футуризму. Об этом читайте в его статье на стр. 35.

На снимке: И. Мартусенко со своей работой.
Фото Ольги Сергеевой.